
Ксения Хиж
РАЗВОД.
Выжившая
дважды

Ксения Хиж

Развод. Выжившая дважды

https://litres.ru/73854444
SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж и моя крестница хладнокровно расправились со мной, когда я узнала об их связи. Подстроили аварию, в которой я пострадала, а после исчезла без вести. И вместо моих поисков, они объявляют меня погибшей и отмечают помолвку.

Но об этом я узнаю позже, а пока После аварии я совершенно не помню кто я и откуда.

Я узнаю лишь доктора, который спас мне жизнь – загадочный миллионер, хозяин частной клиники, в которой я восстанавливаюсь.

Он утверждает, что мы незнакомы, но факты кричат об обратном.

Мне кажется, я его знаю...

Я переезжаю на восстановление в его холостяцкий роскошный дом. Он согласен провести сеанс гипноза и вернуть мне прошлое: мое имя и мою судьбу!

Но он просит кое-что взамен...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	47
Глава 8	51
Глава 9	56
Глава 10	60
Глава 11	66
Глава 12	76
Глава 13	81
Глава 14	86
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Ксения Хиж
Развод. Выжившая дважды

Глава 1

Этот день станет запоминающимся во всех смыслах.

С самого утра я проснулась в приподнятом настроении – к нам снова приехала погостить моя крестница. Выросла моя крошка – уже девятнадцать! Подумать только, как быстро летит время! Ведь еще недавно я ее младенцем держала на руках!

- Взрослая уже! – выдыхаю, прикладывая руки к груди. Смотрю в окно, как Мила бежит к нашему дому.

- Да, время неумолимо! – замечает муж, встряхивая газету.

Мы в браке пятнадцать лет. Мне в этом году сорок. И да, он тоже носил Милу на руках.

- Привет, мои дорогие! – щебечет Мила, залетая в дом. – Я приехала!

- Вовремя ты! – Отзываюсь. – Сейчас на стол накрою, мой ручки!

Кручусь вокруг стола, расставляю приборы.

Подставляю щеку под поцелуй Милы, вынимаю утку из духовки. Пока она смеется за моей спиной с Серафимом, на-

резаю овощи на салат. Думаю, что неплохо было бы открыть бутылочку вина, оставляю огурец на разделочной доске и вытерев руки о фартук, подхожу к барному шкафу.

Мила звонко смеется. Муж что-то бубнит. Улыбаюсь. Бросаю на них беглый взгляд в зеркало у барной стойки. И замираю.

Серафим и Мила стоят у окна.

В нашей огромной кухне пять окон, большой стол и двенадцать стульев. На столе белоснежная скатерть и английский фарфор. На окнах в пол – французские шторы; на потолке люстра на цепях с сотней капель хрусталя. Между нами, расстояние в пять метров. Но я все вижу.

Он держит ее пальчики. Нежно.

Она проводит ладонью по его лицу. Страстно.

Озирается в мою сторону, снова льнет к нему. Я же согнулась над бутылками вина. Делаю вид, что выбираю.

Она думает, что я не вижу!

И она целует его …в губы. Мимолетно. Но в губы!

Перед моими глазами рябит. Словно я на мгновение теряю связь с реальностью.

Он целует в ответ.

Мой муж целует ее в ответ в губы!

И отнимает руку, кивая на меня – мол, осторожно, моя женушка еще здесь!

Заставляю себя выпрямиться. Взять первую попавшуюся бутылку вина. Натянуть на лицо невозмутимое выражение.

Как робот вернуться к приготовлению салата.

Беру самый острый нож.

Он мне изменяет? С ней?

Чикаю по огурцу.

Звонко. Ритмично. Беспощадно.

Кружочки овоща один за одним отлетают на доску.

За моей спиной? Она? Как можно?

Беру второй огурец и рублю его. Шинкую. Нож стучит о доску. Мое сердце разрывается от эмоций.

Как давно они? Как?!

Спросить прямо сейчас? У обоих? В лицо? Или еще посмотреть, понаблюдать?

Беру красный спелый томат. Не без удовольствия вонзаю в него нож. Режу пополам сочную мякоть. На стол летят красные капли.

- Полина! – вздрагиваю, слыша голос мужа. Резко разворачиваюсь.

Наверное, с моим лицом что-то не так, потому что он выкидывает руки вперед и замирает в метре от меня. Смотрит, выгнув бровь, а потом улыбается.

- Все нормально? Ты побледнела? Давай, я помогу! – не дождавшись ответа, вырывает у меня из руки нож и принимается за зелень и овощи. – Кухарка бы все сделала! Зачем ты ее отпустила?

- Иногда хочется приготовить самой! – пожимаю плечами.

- Твои руки не для этого! Ты же пианистка! Тебя знает

весь мир! А ты за ножи берешься!

- Я так хочу быть похожей на тебя! – Мила тут как тут. Трогает меня за плечо, берет помидорку и засовывает в рот. Причмокивает пухлыми губами.

И я вижу ее не ребенком.

Она взрослая женщина!

Она змея!

***

После обеда перемещаемся в комнату отдыха. За окном дождь и мы решаем посмотреть фильм.

Они решают.

Выбирают.

Я сижу и жду на диване.

Когда кино начинается, а в комнате приглушается свет, Серафим садится слева от меня и кладет на мою коленку ладонь. Мила справа и прижимается к моему плечу.

Меня слегка трусит. Дрожь рассыпается по телу.

Может, мне показалось?

Но поцелуй в губы…

Мужу звонят. Важный звонок по бизнесу и он, извинившись, уходит.

Смотрю на экран во все глаза – там жена главного героя попадает в аварию. И Мила вдруг спрашивает:

- Слушай, Полин, а правда, что при смерти одного из супругов всё достается второму? – она кидает в рот леденец, снова причмокивает пухлыми губами.

- Детям тоже. – Веду плечом, скидывая ее руку с себя.

- Но у вас их нет! – хмыкает.

- А причем тут мы? – Смеюсь напряженно. – Да и будут. Пожили для себя, хватит – квартира, дом, машина, моря, заграницы – всё есть. Карьеру сделали. Теперь можно и деток.

- Ясно. А если смерть до детей? В молодости так скажем?

- Ну и вопросы у тебя. – Треплю ее по волосам. Нервно хмыкаю, задумываясь.

- Ну там, несчастный случай. Жена, например, как в фильме разбилась. – не унимается крестница.

- Тогда всё достанется мужу. – Произношу и пристально на нее смотрю.

Этот маленький комочек, дочка моей единственной подруги, когда-то лежал у меня на руках. Я радовалась ее успехам, как своим: первые шаги, первое слово, улыбка. А теперь она выросла. Надо же, как все-таки скоротечно время!

Бог мне не дает пока детей. Все это отмазки, конечно для любопытных, что надо пожить для себя и прочее. Стать матерью я давно готова. Я созрела. И надо сказать, мы с мужем активно пробуем преуспеть в этом деле, но все пока тщетно.

Серафим и я здоровы, но пока…никак.

И Мила в какой-то степени мне как дочь.

- И не надо ни с кем имущество делить? – не унимается она.

- Ну если не с кем, то не надо. – Выдыхаю. – У нас так и будет. У меня из родственников только ты, и то неофици-

ально, а у Серафима родители и брат, но они богаты, сама знаешь.

- Я не претендую. – Улыбается счастливо.

Она так рада что приехала в гости! Ее взгляд такой чистый.

А я не могу избавиться от гадкого чувства внутри – она цинично врет мне в лицо. Притворяется.

Но почему?! За что и зачем?!

- Я тебе смотри, что купила! – спохватывается.

Берет со столика свою сумочку и порывшись в ней, протягивает мне подарки: купон на полет на параплане, прыжок с парашютом, прыжок с тарзанки, дайвинг, экскурсия по затопленным пещерам.

Море и шикарный пляж в пятидесяти километрах от нашего дома. Но мне совсем некогда туда ездить.

- С чего ты взяла, что я вдруг стала экстрималкой? – смеюсь натянуто. – Да я же трусиха!

- Ну вдруг полюбишь? Когда если не сейчас?! Мы с Серафимом тебя на видео снимем!

Глава 2

Я пианистка.

Всю жизнь с малых лет отдаю себя музыке, и она отвечает мне взаимностью. Меня знает весь мир как виртуозную пианистку. Обожаю исполнять сочинения Шопена, Листа и Рахманинова – как оригинальное звучание, так и в собственной интерпретации. Скоро наш новый концерт и мы с симфоническим оркестром отправимся в тур. А пока я дома, наши выходные с Серафимом в кои-то веки совпали, и я рада этому.

Была.

А сейчас что-то гадкое, липкое поселилось во мне и не дает покоя.

Вместо того, чтобы расслабиться, я весь вечер слежу за мужем и крестницей. За их общением. Но все идет как обычно – они больше не дают мне повода усомниться в них.

Но я уже не верю.

Смотрю на Милу другими глазами. Предвзято. Оценивающе.

Она выросла красивой…

Высокая, стройная, с фигурой модели. Пухлые губы, длинные волосы и ногти, длиннющие ресницы – все по закону времени.

Губы у нее сделанные. Муж фыркал – куда катится мир,

а сам…их целовал!

Тру виски, моя голова чумная. Вся я дезориентирована. Я не знаю, как мне быть.

Бросаю взгляд на мужа.

Ему сорок три. Он хорош собой: в меру спортивен, с модной прической, в дорогих часах – может себе позволить. За его плечами успешный бизнес, он наследник огромной корпорации, занимающейся поставкой газа.

Серафим и я поженились, когда мне исполнилось двадцать. А познакомились мы еще раньше – пока я жила в интернате меня приметила его мать – тоже известная пианистка. Она искала одаренных детей, музыкальных, подающих надежды и ее выбор пал на меня.

Своих родителей я не помню. Я попала в интернат в шестнадцать лет, когда меня спасли от пожара. Дом, в котором я жила сгорел дотла. Мои родители любили выпить.

Опять же, это все со слов очевидцев. Моя же память блокирует эти сведения. После пожара я мало что о себе помню. Единственное что осталось тогда от меня прежней – это любовь к музыке и знание как играть.

Муж разжигает камин. За окном все еще льет дождь.

Мила крутится возле него и ее глаза блестят от радости находиться здесь.

Замечаю, что Серафим смотрит на нее и что-то шепчет, но не разбираю слов.

Мои нервы натянуты как струна. Поддаюсь вперед. При-

слушиваюсь. Вглядываюсь.

И да, снова вижу мимолетное касание рук, сплетение пальцев, когда они вместе подкидывают в огонь дрова.

Вижу, как он скользит по ней взглядом – по-мужски оценивая. Как она едва уловимо касается подушечками пальцев его волос.

Выдыхаю, прикрывая глаза.

Это отвратительно. Это хуже смерти.

Зачем-то припоминаю недавний разговор с Милой. Она девственница и спрашивала меня про первый раз: как это, больно ли, как не бояться…

Он уже стал ее первым?!

Распахиваю глаза. Эта мысль меня убивает. Разъедает внутри кислотой, превращая меня в руины.

Или еще не поздно их остановить?!

Силюсь открыть рот, чтобы сказать хоть что-то, но не могу вымолвить и слова. Из моего рта не слетает и звука. Я онемела. От их подлости. От предательства. От возможной измены. Она ведь уже есть…

Слышу и ощущаю физически, как весь мир трещит по швам.

Как он электризуется вокруг меня, как бьет меня по лицу обжигающей пощечиной.

Так, спокойно! – даю себе мысленную установку и сжимаю пальцы в кулачки.

Дыши!

Дышу плавно – вдох-выдох. Пытаюсь унять беспокойное сердце.

- Полина! – слышу его голос.

Вдох-выдох.

- Да? – открываю глаза.

Муж смотрит на меня. Она смотрит. Оба чего-то ждут.

- Завтра, несмотря на дождь, передают отличную погоду. Отправимся в горы?

- Зачем?

- Полетишь с парашютом? Или на параплане? А я для семейного архива буду снимать.

- Да, а то купон пропадет! – пищит Мила.

- Я одна? А вы?

- Ты же мечтала сделать что-то этакое? Испытать новые эмоции? – муж смеется.

И то правда. Я сама недавно жаловалась ему, что мир у меня черно-белый. Ноты. Выступления. Гастроли. Дома бываю редко.

- Но я имела в виду с тобой! Провести время где-нибудь вместе. Только ты и я. – Смотрю на Милу. Она чуть заметно кривится. Но я замечаю…

- Вот и проведем уикенд в горах. Будет весело!

***

Мила прижимается ко мне, когда за окном раздается очередной раскат грома. По привычке обнимаю ее худое тельце, прижимаю к себе.

- Не бойся, это всего лишь гроза! – шепчу.

Мне хочется ее поцеловать в лоб, как делала всякий раз до этого, но я торможу себя, обрубаю эти позывы на корню.

Все изменилось.

Теперь я обнимаю не любимую крестницу, а беспощадную девочку, которая не может меня любить. Потому что, когда любишь – не делаешь больно.

Мотаю головой. Мне так хочется, чтобы всё это было игрой моего воображения, неправдой, но…Признаться честно, я дезориентирована.

Не знаю, как реагировать, чему верить, а чему нет. Зрение меня не подводит, я верю глазам, но сердце сомневается и отрицает. Бунтует внутри меня. Заходится в бешеном биении. И я снова слежу за ними, превращая свой выходной в пытку.

- Да и какой уикенд вдвоем? Вон Мила приехала, нас уже трое, да и потом, завтра нам нужно быть на приеме у матушки, ты что, забыла? – спрашивает муж.

Поджимаю губы. Такое забудешь…

Моя свекровь – известная пианистка, в прошлом она сделала головокружительную карьеру. И завтра в ее загородном поместье соберутся все сливки общества – много звезд и светских семей. И она снова будет мною хвастаться, ведь я ее преемница, ее гордость. Когда-то надежды она возлагала на своего сына, но Серафим оказался бездарным. Признаться честно, он и в бизнесе не особо шарит, хотя его отец принял

его на все готовое.

В общем, в семье не без урода, - думаю, когда снова замечаю, как он на нее смотрит.

- Максимум можем с утра развлечься… - Добавляет муж. – Так, что-там у нас по купонам…Вот! Полет на параплане – то, что нужно! По времени час, а эмоций на весь день! Полетаем, потом к матери.

- Мила, ты получается, поедешь с нами? – выгибаю бровь.

- Получается, что так, - выдыхает она и встает, вдруг довольно улыбнувшись. Кружится по просторной гостиной. Ее и без того короткая юбка-колокольчик задирается от движения и оголяет тонкие ноги. – Меня все равно там все знают!

Муж облизывает губы. Как мне кажется – с трудом оторвав от нее взгляд, смотрит на меня и произносит:

- Решено! С утра едем на парадром! Давно ведь хотели на параплане полетать! Вот, осуществим твою мечту! – Он довольно потирает ладони.

- Я уже не хочу! – мотаю головой. – Эти желания были спонтанные, да и прошел год. Во мне угасла искра авантюризма, хватит предстоящих гастролей! А полет на параплане, да в такую погоду…сомнительное удовольствие!

- Да ладно тебе, ты чего! – смеется он.

- Точно! Полина струсила! – верещит Мила.

И они оба смеются надо мной…

Всю ночь не сомкнула глаз. Довела себя до абсурда, и увалилась спать с Милой.

Она посапывала так тихо и безмятежно, совсем как в детстве, а я не могла никак понять, что со мной происходит.

Быть может, я просто устала? У меня разыгралось воображение? Все преувеличила?

Но опять же факты…

Но они, возможно правы в одном – мне надо отвлечься. А потому полет на параплане вполне может с этим помочь…

***

В скай клубе с самого утра полно народу. Не думала, что эта услуга настолько популярна. Но на полет на параплане выстроилась целая очередь. Проходим инструктаж, и я попадаю в группу одна из последних, притом, что для мужа места не остается. В последний момент отказываюсь, но инструктор неумолим, мы полетим вместе, а муж и Мила подбадривают.

- Мы подождем тебя в гостевом домике, мы арендовали вип зону, оттуда будет прямая трансляция твоего полета. – Заверяет он, а Мила добавляет:

- Сделаешь миллион красивых фото! Разбавишь свою черно-белую ленту соцсетей красивыми фото! Ты только посмотри какое небо!

Я и соглашаюсь. Внутри пожар, и может хоть что-то приведет меня в чувство.

Они уходят, а мы идем на точку начала полета.

Делаю селфи, загружаю в историю. Муж в сети, отправляю ему фотку и смайлик сердечко. Он желает мне удачи и

смеется, присылает в ответ поцелуй.

Мое сердце еще на что-то надеется…

- Телефон! – орет инструктор.

- Сейчас! – кряхчу и только хочу отдать гаджет, как тот выпадает из рук. Поднимаю его и удивленно замираю: нечаянно набрала мужу видеозвонок. Тот принял. Тоже случайно. Потому что он сидит на диване в этой комнате отдыха. Телефон лежит на столике и светит экраном в натяжной зеркальный потолок. И я его вижу. Их. Отражение. На нем сидит Мила, моя крестница.

Он трепет ее за гриву волос. Она мнет пальцами свою грудь, а он причмокивает губами.

- Это не дело! – вздыхает он. – Так мы ее никогда не устраним! Она должна была лететь без инструктора!

- Ну надо было полагать, что без инструктора ее одну в первый раз не отправят! – цокает крестница.

- А я надеялся, что она в свой последний полет отправилась. Ха-ха-ха. Господи скорей бы задавилась, мне надоело ждать! Эти все экстрим туры трата денег!

- Надо тормоза ей на машине подрезать и всё.

- Заподозрят, - чеканит муж. – Надо действовать умно. Я не хочу в тюрьму, слышишь?

Он кусает ее за грудь. Валит на диван.

А у меня в ушах пульсирует. Господи!

Они ждут моей смерти!

- Остановите, я сойду! – кричу, когда полет начинается.

- Поздно, для паники! – орет инструктор. – Держись! И помнишь, да? Трос не выпускай из рук!

Но в моих руках нет силы. И я уже знаю наверняка, что этот трос не удержу. И полет не закончится ничем хорошим. Для меня.

Глава 3

Ничего не вижу. Глаза застилают слезы – от обиды, от ветра, от разочарования.

До боли закусываю губы и весь полет болтаюсь как кукла, набитая ватой.

Инструктор что-то мне говорит, сквозь порывы ветра слышу его голос, но совсем не различаю слов. Да и не важны мне его слова. У меня в ушах стоит звон совсем других голосов, а перед закрытыми веками как на повторе крутится пленка: мой муж и моя крестница.

Они меня предали. Самым циничным образом.

Мало того, что у них адюльтер, так они еще не брезгуют размышлять о моей гибели.

Они хотят моей смерти!

Вздрагиваю, когда вспоминаю: за последний месяц у меня дважды ломалась машина. На ходу. На ровном месте. И это чуть ли не стоило мне жизни, когда меня резко развернуло в горах. Мне повезло тогда, что не было встречного транспорта.

Всхлипнув, припоминаю не менее шокирующий эпизод: весной я мучалась с болями в животе и, врач, получив мои анализы не мог понять, откуда в моем организме столько калия, кальция, магния и прочих витаминов. Чрезмерное употребление в колоссальных дозах – вредно! – пожурил он ме-

ня. А я ведь не пила ничего подобного!

Они что-то мне подсыпали!

А значит, от своего уже не отступятся.

Но я нанесу им удар первой. Уйду сама. И оставлю его с голой задницей! Да, впрочем, у него ничего и нет. Родители ему не доверяют. А все, что есть в нашем доме досталось нашей семье или от его матери, или от моих денег с гастролей. Он даже этот дом не покупал – тоже подарок родителей. И оформлен он на меня!

Полет завершается.

Когда чувствую почву под ногами, позволяю себе раскрыть глаза и вижу картину маслом: они уже бегут навстречу. Оба. И на лицах у них фальшивые улыбки.

- Я все знаю! – отрезаю, когда муж пытается меня сфотографировать.

- Что? – он делает удивленное лицо. Но тут же говорит: - давай скорее, переодевайся, мама звонила. Уже ждет. Что-то мы здесь подзадержались.

- Лучше бы было если ты полетела одна! – мямлит Мила. – Повторишь потом? У нас же еще купон остался!

Хмыкаю, смотря на нее и не сдержавшись, вдруг бью по лицу.

Она вскрикивает и закрыв лицо ладонями, начинает реветь. Муж рычит как бешеный зверь, сжимает ее в объятиях и орет мне прямо в лицо:

- Совсем на старости лет рехнулась? Ты что творишь?

- Ничего. Раздаю авансы.

Встряхнувшись, иду на базу. И думаю о том, что уже через пару часов все решится. Я озвучу, что подаю на развод. В голове эта мысль лежит ладненько, но с языка не слетает. Это больно такое принять и произнести.

Это конец всему, конец моей прежней жизни.

А я ведь по-другому жить не умею. Господи, как тяжело!

***

- Поздравляю! – свекровь вновь обнимает меня. – Твой предстоящий концерт ждет вся элита. Все сливки общества соберутся.

- Обычные люди тоже ходят на мои выступления. – Улыбаюсь сквозь силу.

На мне платье из атласа, струящееся по телу. Ярко-винный цвет. Мой любимый. Волосы собраны в высокий пучок, а на лице легкий макияж. Так долго и без желания я еще никогда не собиралась на светские рауты.

Делаю глоток вина. Свекровь сжимает мою руку, снова хвастаясь моими успехами.

Огромный зал с камином и лепниной, хрустальной люстрой и позолотой, не хуже, чем в Елисейском дворце, не радует глаз. Потому что у меня там бельмом эти двое.

Серафим и Мила о чем-то переговариваются, смеются, он прикасается к ее руке и уводит из зала.

Хмыкаю, качая головой. Ну вот, осталась последняя капля, которую сейчас добавят они в сосуд моей ненависти, хо-

тя, казалось бы, куда уж больше?

- Прошу прощения, - улыбаюсь гостям и торопливо иду на выход.

Быстрыми шагами пересекаю холл, с бьющимся в груди сердцем поднимаюсь по витой лестнице на второй этаж. Здесь несчетное количество спален и гостевых комнат, библиотека, кальянная, и я проверяю всё, открывая двери каждой из них. Когда остается последняя дверь, я уже знаю наверняка, что ОНИ там.

***

Выдыхаю, сердце колотится в припадке, чуть приоткрываю дверь.

Стук двери. Стук сердца.

Замираю, забывая, как дышать. Вдохнула наполненный ароматом цветов воздух секунду назад счастливой беззаботной женой и забыла выдохнуть. Потому что той дурочки больше нет.

Она поражена громом и молнией. Она обесточена. Она унижена и убита.

И она – это я. Та, что рассыпалась в секунду на атомы.

С тихим выдохом, переходящим в всхлип, припадаю к щелке не до конца закрытой двери.

Аромат цветов больше не ощущается.

Солнце не светит так ярко в панорамные до самого пола окна.

Мир не красочный и многообещающий. И даже это пла-

тье на мне, дорогущее, от модельера, обтягивающее фигуру, усыпанное сотнями кристаллов и блесток – больше не слепит глаза и не кажется совершенным.

Колючая ткань, царапающая кожу.

И его движения на ней – резкие и чуть грубоватые от затмевающей их страсти – словно ножом выскребающие меня изнутри.

- Серафим? – Шепчу тихо, себе под нос, ловя губами соленые слезы. – Мила?! – мой голос хрипит и разрезает воздух будто наждачкой….

Как все-таки жизнь непредсказуема. Уму непостижимо. Еще вчера я строила планы на будущее – светлое, яркое, беззаботное, как и все мое настоящее. Жила планами, мечтами, шла к цели. Мечтала о ребенке. А сейчас…

Разворачиваюсь ровно в тот самый момент, когда они оба смотрят в мою сторону.

Несусь по ступенькам. Почти тотчас попадаю в объятия свекрови.

- Тут репортёры! – поет она на ухо. А я кривлюсь. Вытираю жгучие слезы – их, хвала богам, немного.

- Улыбнись! – Серафим появляется рядом и с силой сжимает мою руку. – Улыбнись, я сказал!

Я натянуто улыбаюсь, смотря в сторону мелькающих вспышками фотокамер. Свекровь пригласила блогеров и журналюг. Те кричат вопросы, сыплют комплиментами нашей паре. А я дрожу внутри от страха и боли и ненавижу

сейчас всем сердцем того, кого еще вчера безумно любила.

Очередная вспышка слепит. Я машинально прикрываю глаза и пытаюсь побороть в себе тошноту, что горечью норовила вырывается наружу.

Мне плохо от всего происходящего. А раньше я любила эти светские мероприятия.

Мне плохо от его голоса и фальшивых прикосновений.

Он резко дергает меня в сторону, возвращая в реальность.

- Завтра уезжаешь пиликать по своим клавишам, - он берет меня как щенка за шкирку и ведет за собой. – Катись в свой тур по Европе, в свой хваленый Санкт-Петербург, в Прагу, Хельсинки, Амстердам, что там еще, а меня не выводи больше своими разговорами и упреками, поняла? И ни слова об измене. Представь, что ее не было. Возьми и забудь! Развод не получишь! Если только помрешь!

- Ты мерзость, Серафим!

- В горе и радости, помнишь? Пока смерть не разлучит нас!

Он смотрит на меня как на жертву. И я понимаю, что это лишь вопрос времени. Они меня УНИЧТОЖАТ!

Глава 4

Он скалится. Тот, кого я так сильно любила! Скалится и становится похож на мерзкого незнакомца.

- Да! А как вернешься, так и поговорим, и тогда решим, что делать дальше.

- А что нам делать дальше? – спрашиваю, вырываясь. Отмахиваюсь от него, обхватываю себя руками. Меня знобит. Тело сотрясает мелкой дрожью. – Мы разводимся, и всё.

- Развода не будет, - ухмыляется. – Мы будем жить как прежде, очевидно же. Вот и подумай об этом. Дом большой, места всем хватит – ты, я и наша Мила.

- Что? – мотаю головой, не веря ушам. – Ты спятил? Да как вам не стыдно?! Не трогай меня!

Снова отмахиваюсь, делая шаг назад.

- Я прав, а ты просто сейчас унижена. Не должна была узнать так… Но ты поймешь все, не сомневаюсь.

- Да пошел ты к черту!

- К черту пойдешь ты, если не заткнешься! Тебе ясно? – Серафим хватает меня и трясет как куклу, да с такой силой, что я больно ударяюсь о стену затылком.

В его глазах полыхает ярость, ненависть, отвращение.

В моих только застывшая боль…

- Ясно, - роняю тихо и убираю от своей шеи его руку. – Еще раз тронешь меня или замахнешься…

- И что? И что тогда?

Я молчу.

Не знаю что. Сама пока не знаю.

Я растоптана, и он прав, унижена.

- Молчишь? Вот и молчи, поняла?! Катись на свои гастроли и подумай там хорошенько о своем поведении.

Он с силой вжимает меня в стену, замахивается, я интуитивно жмурюсь, кусая губы.

- Давно надо было от тебя избавляться! Обуза! Жизни с тобой никакой нет!

В ушах гул от его удаляющихся шагов, а перед глазами сцена его измены…Мне от стресса казалось, что я убежала сразу же, но нет, память воспроизводит то, что успела за считанные секунды увидеть.

… Как низко. И мерзко. И больно.

Он неуклюже спрыгивает с нее, я вижу ее раздвинутые чуть ли не в шпагате ноги, его…

Отвожу взгляд, прикрывая ладонью рот. Меня тошнит. От этих видов. От его голоса. От ее рыданий. Как быстро из нее полились слезы, сменяя стоны.

Моя Мила. Моя крестница.

Мой Серафим. Мой муж, мой первый мужчина.

- Полина-а-а! – стонет он громко. Зло. Едва ли не раздосадовано. – Какого хрена ты здесь делаешь?

Я делаю шаг назад и упираюсь спиной в дверной косяк.

Мы же Милочку растили как дочь…

Мои руки дрожат, я не могу вымолвить и слова.

У меня на днях начало гастрольного тура. Мои пальцы живут по двадцать часов в сутки на клавишах пианино. Я и симфонический оркестр одно целое последние пять лет. Мне скоро всего сорок, но я уже чуть ли не мировая знаменитость. А все потому, что с пяти лет жила черно-белыми клавишами и нотами. А первой яркой вспышкой в этом единении с музыкой стал он. Встреча с ним изменила мир, перевернув его с ног на голову и только тогда я, наконец, поняла, что мир не ограничивается оркестром, что есть еще и любовь.

Он был нежен и тактичен, внимателен. Я дикая до отношений и секса всего стеснялась. Но всеобщее одобрение, радость родителей, и его тихий шепот ободрял и успокаивал. И я с радостью вышла за него замуж и подарила всю себя в первую брачную ночь.

Давай, Серафим, заговори мне уши. Клянись в любви. Умоляй. И я поверю?..

Он резко схватил меня за локоть и буквально вытолкнул за дверь. На нем уже плавки, но член все так же возбужденно выпирает. А крестница не ревет, а лишь скомкав на своем теле платье, смотрит горящими глазами. И улыбается!

- Мне больно! Что ты делаешь? Отпусти!

Я вырываюсь, но он лишь сильней трясет меня как куклу. И шепчет со свистом, обдавая меня лютым, выжигающим до костей жаром:

- Закрой глаза и забудь. Катись, дорогая моя, в свой тур. А когда вернешься, хорошо подумав там о своем поведении, все будет как прежде, слышишь?

Что??? Как прежде? Подумать о чем? Мне о моем поведении?!

- Да ты с ума сошел?! – Шиплю я в ответ, старательно сдерживая слезы. – Ничего уже не будет! Ты мне противен!

- Ой, да успокойся ты, не строй из себя обиженную овцу! Иди!

Он подтолкнул меня к лестнице, улыбнулся.

Я все же всхлипнула, развернулась и на дрожащих ногах бросилась прочь.

… И вот теперь я снова бегу, не разбирая дороги.

Меня кто-то окликает, наверное, свекровь, но я выбегаю во двор. Машина мужа стоит у ворот. Подбегаю к ней и дёргаю за дверную ручку. Она открыта, он никогда не ставит ее на сигнализацию в доме матери.

Завожу двигатель с кнопки и вытерев от слез глаза, жму на газ.

Куда угодно, только чтобы не видеть их лиц!

***

Машина набирает сотку за несколько секунд. Держу руль крепко, но слезы застилают глаза. Фары выхватывают из темноты глянцевое полотно влажного после дождя асфальта, ели, что ровными рядами бегут вдоль дороги.

Ничего не соображаю. Абсолютно. Внутри все горит и

плавится. Мне так противно и тошно, так мерзко, словно меня запачкали. Физически ощущаю, как черная липкая грязь их измены скользит по моей коже змеей, превращая меня в сосуд боли.

Раненное сердце кровоточит и с каждым новым всхлипом превращается в камень.

Я обманывалась, когда считала, что у меня идеальный брак.

Обманывалась, когда думала, что если у меня не будет своих детей, то Мила все равно мне как дочь, хоть какое-то утешение.

Обманывалась всегда – вся моя жизнь была иллюзией счастливой жизни.

Резко притормаживаю, сворачивая на дорогу, ведущую к горам. Там нехилый серпантин, и к нему я всегда относилась с опаской, но сейчас меня ничего не страшит.

Все самое страшное уже случилось.

Моя семейная жизнь рухнула.

На ее осколках и раздробленных кирпичах я стою, склонив голову. На мне черный саван обиды и сожаления. Горечи. И единственное мое спасение теперь, как, впрочем, и всегда – музыка.

Включаю радио, но там одни помехи. Салон разрезает шумом, и я вздрагиваю, когда с неба обрушивается ливень.

Гроза освещает небо яркими кривыми полосками.

Нажимаю на газ, машина рычит и плавно поднимается по

серпантину все выше. Там, за горой будет спуск, а там уже и до трассы недалеко.

Зачем и куда еду – не знаю. Остановлюсь в каком-нибудь придорожном отеле. Но домой я точно возвращаться не буду. Да и нет у меня уже этого дома, они его замарали своей любовью.

На гастроли я из гостиницы уеду. Главное пережить эту ночь и не сойти с ума.

Спустя какое-то время вижу в зеркало заднего вида мелькающие фары. Дорога узкая, и меня кто-то догоняет.

Жмусь к высокой скале, пропуская машину, но та притормаживает и рыча, почти толкается в меня. Давлю на газ. Незнакомец слепит меня дальним светом. Ругаюсь. Щурюсь. Что это за ненормальный?!

Снова прижимаюсь к обочине, давая ему место для маневра, но ему это не нужно, он плетется за мной и ослепляет.

- Что ж! – выдыхаю и прибавляю скорость.

Петляем по серпантину. Преследующий выводит меня из себя. Не отстаёт, но и не обгоняет. А когда начинается спуск на другую дорогу, которая в разы шире, ровняется со мной, и я вижу довольное лицо Милы.

- Мила?! – от ужаса вскрикиваю.

Ее глаза горят огнем, а улыбка больше похожа на оскал. Она резко выкручивает руль в сторону, подрезая меня, а потом вновь отстает. Порываюсь остановиться, но вдруг понимаю, что она и не думает тормозить, ей не нужны наши раз-

говоры или что-то подобное. Ее цель – напугать меня, довести до инфаркта – иных объяснений у меня нет.

Решаю оторваться от нее и на ровной дороге прибавляю газ. Она несется по моим пятам, сигналит, и ее рот открывается в диком смехе.

На дороге вдоль отвесной скалы, которая ведет к трассе, дорога снова становится уже, и машина скользит, не слушается. Сбавляю газ и вижу, как по встречной полосе мелькают фары. Успеваю только вскрикнуть, выворачивая руль в сторону.

Перед глазами земля сменяется грозовым небом. Слепит молния.

Чувствую удары и слышу словно со стороны душераздирающий визг. И не узнаю собственный голос.

Кувырки – машина летит с утёса. Последний грохот о камни. И всё стихает.

Подушка безопасности сжимает меня так, что невозможно сделать и вдоха. В глазах темно. А потом и вовсе проваливаюсь в черную бездну.

Видимо, я отключилась. Потому что, когда снова шевелюсь, слышу приглушенные голоса:

- Она живая!

- Травмы серьезные! Истечет кровью!

- Нет. Так рисковать нельзя! – голос Милы.

- Ну а что вытаскивать ее? Ее зажало! Так просто не справится! – Незнакомец.

- Увези ее подальше, а лучше в море брось. Чтобы наверняка! Давай поторапливайся!

Пытаюсь пошевелиться, открыть глаза, но веки весят целую тонну.

Снова проваливаюсь в темноту.

А когда прихожу в себя вновь, меня куда-то везут. Пахнет бензином и машинным маслом. Я в багажнике. Вижу это, но пошевелиться не могу – всё тело онемело.

Сердце стучит набатом в голове.

Мысли – рой диких пчел. Мне больно.

Спустя какое-то время слышу шум волн, а небо уже предрассветное…

Глава 5

Спустя время…

- Поиски исчезнувшей без следа талантливой пианистки Полины Григорьевой продолжаются. Но пока безуспешно. Напомним, что женщина пропала после ужина на загородной резиденции Григорьевых после того, как уехала на автомобиле в неизвестном направлении. Позднее, машина была обнаружена брошенной, а сама Полина загадочно исчезла. Удивительно, что произошло это перед турне, к которому она тщательно готовилась весь последний год…

Санитар повернул голову, перестав жевать, перевел взгляд с экрана небольшого телевизора на палату номер три. Сказал медицинской сестре, что сидела рядом на диване и залипала в телефон:

- Люд, мне кажется или это наша подкидыш?

- Чего? – Людмила оторвала взгляд от пестрой ленты соцсети, сдвинула широкие брови к переносице. – Ты о чем вообще?

- Да я про эту, что переломана вся. Смотри – один фейс. Вот ей Богу это она.

На экране застыла фотография симпатичной брюнетки, что в черном вечернем платье стояла посреди сцены. Кадры с видеонаблюдения неподалеку от элитного поселка, где проходил семейный вечер Григорьевых, транслировали эту

же женщину, но уже в винного оттенка платье, бегущую к автомобилю.

- Да ну, ты брось! – выдавила, наконец, Люда. – Ты ее лицо видел? Без слез не взглянешь! Где эта цаца, и где наша нежилец. Резиденции, какой-то там оркестр и эта юродивая в нашем Мухосранске. Опять ты со своими фантазиями! – Медсестра гортанно рассмеялась.

Парень перестал жевать и гневно стрельнул в нее глазами, усмехнулся.

- Мухосранск не Мухосранск, а баба одна и та же. Я не слепой и не дурак. Не хочешь не верь.

Он встал.

- Куда? – рявкнула Люда. – В реанимацию нельзя.

- А я не туда, - повел плечами молодой человек, облизнул губы, бегая глазами по помещению. – Покурить я, поняла?

Людмила перекатила во рту жвачку, щелкнула маленький пузырь зубами, снова уставилась в телефон. С секунды на секунды начнется прямой эфир известной блогерши, пропускать который она не собиралась.

Парень выждал еще немного и, поняв, что интерес к нему потерян, вышел из сестринской. Ему не терпелось проверить – прав ли он в своих предчувствиях.

- Я потом к себе. В морг. – Бросил он, сворачивая за поворот. Ответа не последовало.

Больничный коридор утопал в ночной тишине. Люминесцентные лампы под потолком изредка моргали и, не переста-

вая жужжали. И этот звук его порядком раздражал.

Он медленно подошел к палате номер три, посмотрел в стеклянное окошко на неподвижно лежащую на кровати женщину. Да, сейчас она была далека от идеала, от той, которую день и ночь показывали по ТВ. Ее мать и отец не раз давали интервью и выглядели вполне обеспокоенно, хотя он фальшь за версту чуял. А ее муж…

Борис поморщился, вспоминая.

Ее муженек, известный, к слову, бизнесмен, жалко выдавливал из себя слезы и не переставал говорить, что это он во всем виноват.

Конечно, дурак, упустить такую соску! Если судить по фото с телека...

Правда, сейчас от длинных волнистых волос не осталось и следа, череп этой барышни был выбрит на лысо, а на красивом некогда лице залегли синяки и шрамы. Бледная кожа, словно у куклы, пухлые бескровные губы. И все равно прекрасна. И да, это точно она известная на весь музыкальный мир пианистка Полина.

Санитар выдохнул, осмотрелся. Длинный коридор пуст и безмолвен. Тихо нажал на ручку и скользнул в палату.

***

Изо рта женщины торчала трубка.

Из запястья, где находился катетер – торчала. Из чуть раздвинутых тонких светящихся от худобы ног – торчала – мочеприемник, сумка которого была уже полна. Да откуда они

только не торчали. Вся в проводах, словно кукла террориста. Прошла неделя, как ее привезли, а она все еще не приходила в себя. Главный врач не теряет надежды, он не только хирург от Бога, но и человек большой души и сердца, а вот весь остальной персонал давно уже на ней крест поставил. Даже спор открыли, сколько еще проживет.

Кукла, да и только.

Он протянул руку и коснулся ее лица. Холодная щека, чуть впалая, пухлые губы, сухие и колючие.

Прекрасна!

Он тяжело выдохнул и облизнулся, второй рукой коснулся брюк. Кажется она действительно ему по нраву, если даже легкое возбуждение потекло по телу. Надо же. Его уже сто лет никто не привлекал.

Наклонил голову чуть набок, медленно скользнул пальцами по ее шее, вниз к краю простыни, что прикрывала ее обнаженное тело. Пальцами ниже, край простыни комкается и послушно скользит вниз. Шея, ключицы, грудная клетка и вот он уже видит впадинку между ее круглых грудей.

- Борис-с-с! – злой шепот Людки заставил его поперхнуться собственными слюнями и отдернуть обе руки. – А ну пошел вон отсюда, мерзкий извращенец!

Боря отряхнулся, оборачиваясь. Руки в карманы больничных темно-зеленых штанов.

- Людка, ты поаккуратней со словечками то, а?! А то я тебе быстро…

- Что-о!? – протянула та, надвигаясь на него массивным телом. – Я не посмотрю, что ты племянничек Радислава Георгиевича, быстро на тебя заведующему настучу. Вылетишь как пробка! А ну вышел отсюда.

- Да иду уже, ослепла что ли! – он бочком протиснулся между ней и стенкой и выбежал в коридор.

- Я тебе сейчас ослепну! В морг свой иди и жди жмуров новых. И там рассматривай кого хочешь, им уже все равно, а эта еще живая.

- Ага, живая! Пока что! – он хмыкнул, обнажив желто-коричневые зубы. – И вообще я на полставки здесь, забыла, что ли. Это сейчас я санитар морга, а через месяц-другой медбратом буду. Поняла?

Людка поморщилась. Борис и вправду с семи утра и до обеда в морге работал, подготавливал трупы для вскрытия, потом мыл, зашивал, выдавал родственникам, если того требовалось, а после обеда вот здесь выручал. Больница-то у них видавшая виды, поселок маленький, рук не хватает.

- Поняла. Вот когда будешь, тогда и поговорим.

***

… Я открыла глаза, когда крики переместились за дверь.

Боль холодным потом разлилась по телу.

Зажмурилась.

Свет лампы хоть и тусклый, но все же неприятно бьет по глазам.

Я слышала, как скрипнула дверь и еле слышно захлопну-

лась. А еще я слышала писк приборов, бешеный стук своего сердца и до сих пор ощущала страх. У страха и боли два круглых ярких глаза, что, стремительно приближаясь, ослепляли меня и не давали сдвинуться с места. В ту ночь меня парализовало от страха и припечатало к месту намертво. Машина приближалась, а я покорно ждала…

Хотя нет, я кажется, побежала вправо, а потом упала. И была вода. Много воды. А потом чей-то голос и лодка. Он спрашивал, как я оказалась в воде и как мое имя…

Я задумалась.

А как мое имя?

В голове пустота.

Тишина.

Стерильный порядок, словно кто-то так хорошо прибрался, что ничего не найти.

Ни одной мысли или зацепки. Я не знаю своего имени. Я кроме этих обрывков ничего не помню!

Глава 6

Людмила вошла в палату, чтобы поменять грушу мочеприемника и сделать несчастной укол.

Женщина зашевелилась и чуть слышно застонала.

- Больно тебе, миленькая? Ну, ничего, потерпи. Зато уже немного шевелишься!

Та замерла, вздыхая. Люда сделала ей укол, поменяла повязки.

Неизвестная облизнула губы и смиренно закрыла глаза, и пока Людмила возилась с капельницей, провалилась в сон – снова тревожный, полный воспоминаний – обрывки фраз, голосов, событий. Лента ее жизни бесконечно крутилась перед глазами...

- На часах сотни бриллиантов, - сказала она чуть слышно, когда Людмила закончила дела и открыла дверь палаты.

- Что? – она обернулась.

Бедолага спит вроде. Дыхание ровное, но губы шевелятся. Опять говорит во сне?

Людмила вернулась обратно, подвинула табурет и села рядом.

- Что ты говоришь, милая? Что за бриллианты? Или придумала? Снова бредишь?

Неизвестная пациентка молчала с минуту, а потом даже головой мотнула.

- Нет, ничего не придумала. Я ему часы купила в подарок с бриллиантами, лимитированная коллекция.

- Слова то, какие знаешь! – Людка усмехнулась. – Лимитированная. Звать то тебя как? Всё никак не можем опознать тебя! Менты с толку сбились – не таких потерявшихся и всё! Документов-то при тебе не было, да какие документы! Ты вся разодранная на берегу лежала…На старой лодочной станции тебя нашли! Ну-у? как звать-то, скажи?

Но пациентка проигнорировала. Продолжила свой рассказ, повторяя предложения, словно заезженную пленку.

…Говорит отправляйся в свой в тур. А как я играть должна? Музыка, что раньше была смыслом жизни и спасением, теперь противна. Моя жизнь резко рухнула…Да и пальцы разве послушаются?

Я знаю ведь, что едва коснусь белых клавиш, как мои пальцы начнут дрожать. А теперь и подавно оркестр отправился без меня…

Людмила навострила ухо, прикасаясь к пациентке вплотную, нависая над ней так близко, что улавливалось горячее дыхание шепота. Но слов все же разобрать не удавалось. И лишь когда голос ее стал чуть тверже, Люда начала понимать.

…Он изменил мне.

Слома-а-ал!

До него в моей жизни не было потрясений. Ровная черно-белая полоса музыки.

Ни волнений, ни печали, ни радости. Просто штиль.

Уютная гавань. Безмятежное счастье.

Девчонка закашлялась и попыталась повернуться на другой бок. Люда недовольно поджала губы, хватая ее за локоток и возвращая обратно в исходное положение.

- Эй, ты проснулась? Спишь?

Тишина. Дыхание спящего человека – ровное и размеренное.

- А ну-ка расскажи, что там дальше было? – Людка потормошила ее за плечо. Тихо, осторожно, желая одновременно и побудить на разговор и не разбудить реально. – Чего он сделал то? Трахался с другой? Ну, слушай, в нашем мире такое часто бывает. А ты, что же сразу под машину? Да в море топиться?

Людка цокнула.

- Вот ведь глупая. Из-за мужиков убиваться! Хотя погоди, как это под машину? Ты вчера что-то про фары говорила, про свет на тебя мчавшийся…Ой, фантазерка! Ну, понимаю, шок! Организм твой в ауте! Ну ничего, Руслан Игоревич на днях приедет – он врач от бога, он меценат! Он таких, как ты вмиг на ноги ставит. И если тебе повезет, то возьмет под свою опеку. У него знаешь какой санаторий?! Там, в горах. Из Москвы люди прилетают лечиться. Он миллионер! А если не возьмет тебя, бедную, то дело плохо! В нашей загибающейся больничке таких как ты долго не держат! И куда тебя потом? Без документов? Без роду и племени? На улицу выкинуть что ли? Или в хоспис какой, доживать…Оркестр

тебе! Ну даешь!

Людка нахмурилась.

В их округе на пять тысяч человек она ни про каких оркестров не слышала.

- Сказочница-а-а, но интересно. Такого экземпляра я еще не встречала, а уже десять лет на посту медицинской сестры сижу. Слушай, даже жалко тебя будет в психушку переводить, если окажется что ты того. Ну-ка, расскажи, что там дальше было?

Она ткнула ее острым ноготком в плечо.

Ущипнула за запястье левой руки, и неизвестная тяжело вздохнула. Приоткрыла рот и вновь зашептала.

***

…Я хотела семью. Настоящую. Ребенка. А он…

Потеряшка закрутила головой из стороны в сторону. Из глаз её брызнули слезы.

Людмила нахмурилась, глядя на приборы. Сердцебиение учащалось.

… До знакомства с его семьей у меня была другая жизнь. Я вспомнила! Моя настоящая мать не умерла в пожаре. А свекровь узнала, что есть в глубинке такая талантливая девочка, и забрала меня под свой присмотр, ведь ее сын бездарность, а она мечтала о всемирной славе, о династии… Но почему я поверила, что у меня не было и нет настоящей семьи? Почему поверила в пожар? Как же так вышло?

- Чего? Ты что несешь, малая?

Людка сжала с силой ее запястье, но женщина замолчала, сжав пухлые губы до белизны.

- Во, дура! Вот, считай, и закончилась твоя жизнь! Ку-ку! Сейчас, я катетер поменяю, подожди, а то вены опухли аж!

Люда мотнула головой, отпустила ее руку и вышла из палаты.

Тихий голосок разрезал тишину:

Людмила вернулась через минуту. Ловко справилась с ее венами и вновь вплотную приблизила лицо.

- Что говоришь? Ну-ка, я слушаю!

- Больно. И чувство вины, превращает в лед. Я попала в интернат в пятнадцать и ничего не помнила о прежней жизни. Память берегла меня от ненужных вещей. Ведь в пожаре все погибли! Но это не так…

- Ну-ка пошевелись?

- Не могу.

- А глаза открой? Ты бредишь, али спишь? Или притворяешься? – Люда с силой ущипнула незнакомку. Но та даже не пискнула от боли. Так крепко спит! Но ведь и тело как вата. – Ты не шевелишься, в курсе? Паралич!

- Мое тело в плену. Душе больно…

- Ах вот оно что! – прошептала Людмила, разбирая слова через раз, но услышав главное. – Главврач значит прав, твои показатели в норме, но из-за пережитого стресса мозг пока отказывается давать команду говорить и двигаться. Когда ты в себя приходишь. Вот сейчас проснешься и снова будешь

молчать как рыба! Ну ладно, хоть болтаешь! А руки и ноги то не слушаются! Мозг твой нерабочий! Молчишь?

Людка цокнула, покачала головой. Окинула взглядом худое ее тело. Позавидовала бы формам, да то болезнь. Может и нежилец уже!

- Ну, ничего, может, восстановишься. Если не сказочки все это. А то знаешь, есть и еще другая, неофициальная так сказать версия. Знаешь какая? Что с головой у тебя не все в порядке. Тронулась умом. Отсюда и галлюцинации, и речи вот эти. Лежал тут у нас как-то товарищ, так он и во сне, и наяву себя генералом инопланетных войск объявлял. И так правдоподобно говорил, что сейчас в дурке лечится. Ох, несчастная девка! И за что тебе такое в твои то годы. А лет-то тебе сколько? Двадцать пять? Тридцать? Может, сорок? Вот ей богу не пойму.

Девчонка снова молчала. Глаза закрыты. Губы бездвижны.

- Уснула? Ну как всегда…

Дыхание ровное. Пульс успокоился до обычной частоты.

***

- Эй! – Людка резко хлопнула ее по плечу. И незнакомка, вздрогнув губами, распахнула глаза. – Как зовут?! – прокричала.

- П…п…

- На «П»? Патрисия какая? Судя по репликам твоим! – громко рассмеялась. – А знаешь что? Ну-ка на, в зеркало

глянь, может что скажешь?!

По-ли-на…

Произнесла я мысленно, пробуя буквы на вкус.

Перед лицом зеркальная гладь, в которую смотрюсь. И не узнаю.

Облизнулась, перевела взгляд с сухих губ на глаза. Они серые, словно грозовое небо. Пустые. Одинокие.

Взгляд выше. Короткий ежик коричнево-рыжих волос на черепе, марлевая повязка в бурых кляксах засохшей крови. Или йода.

Вдох. Выдох.

Мотнула головой, закрывая глаза.

- Ну что, узнала себя? Как зовут? – молодая медсестра убрала от моего лица овальное зеркало на ножке.

Нет. Не узнала. Только имя Полина на языке, с которого она не может проронить и слова. Пыталась что-то сказать, но лишь невнятно слабо мычу.

- Во-о дела! – протянула Людмила. Кажется, ее так зовут. – Мы тут всем персоналом за тебя переживаем. Все ждали, пока очнешься и хоть что-то расскажешь. А то ситуация то вообще непонятная. Найдена на берегу еле живая, вся перебитая! Ноги твои словно молотком прошлись, еще и собака или крыса покусала! Ой, как вспомню, какой тебя привезли, жутко становится. Неделю без сознания была. Очнулась и вот тебе на. Ничего не помнишь?

Я чуть мотнула головой. Перед глазами образы, быстро

сменяющие друг друга, но уцепиться хоть за один из них – не получается.

Но я ведь Полина? Не зря это имя пришло в голову, едва я открыла глаза. А может, и нет…

- Молчишь? – медицинская сестра сощурилась. – А вот во сне бормочешь. Хрень правда всякую, но говоришь! Ну, ничего, время лечит. Главное, что в себя пришла. А пальчиками то пошевели?

Я сглотнула слюну, что колючей иголкой царапнула сухое горло. Не без усилия, но смогла пошевелить пальцами правой руки. Остальная часть тела, словно не слушалась меня и отказывалась повиноваться.

- Ну, уже хорошо. – Протянула задумчиво девушка. – Ладно, отдыхай. Я позже зайду. Там к тебе полиция скоро зайдет, ориентировку составят, портрет твой. И Руслан приедет – святой человек! У него столько денег и власти, а такая душа добрая. Вот на ремонт больницы нам дал денег, пациентам помогает. У него в семье горе было, сестра без вести пропала когда-то давно, лет двадцать назад. В пятнадцать ушла из дома и не вернулась. Мать его от горя с ума до сих пор сходит. Богатая женщина, с мэром дружит. Все есть у них – дома, машины, заграницы. А она спать не может – не зная где ее ребенок. Бедная женщина! И Руслан с тех пор людям только добро делает. И все сестру ищет. Святой! Вдруг, и тебе поможет?

Глава 7

- Она очнулась, - бросила хмуро Людка. – Доволен? Может, женишься на ней.

Она засмеялась громко и хрипло, каркая словно ворона. Борис посмотрел на нее как на дуру и молча засунул в рот ложку картофельного пюре. Мать опять пюре столкла не с молоком, а на воде. Он как питаться этой херней должен? Он мужик уже, а не пацан слюнявый.

Злость набирала обороты.

- И что она? – спросил он, чтобы отвлечься и чуть успокоиться.

Людка вытащила из микроволновки контейнер. Запахло рыбой. Села за стол напротив, открыла крышку. Капли подливки разлетелись во все стороны: на ее лицо, на стенку за ней, выкрашенную в светло-розовый. Он опустил голову – на его тёмно-зелёную форму тоже прилетело. Вот не дрянь же, а?

Борис тяжело выдохнул. Ложка пюре. Половина котлеты. Жует и слушает.

- В себя пришла. Вот точно говорят на молодых и красивых все как на собаках заживает. Думали, не очнется уже. Только вот показатели в норме, а сама как овощ. С головой что-то. Не помнит ничего. Амнезия. Полнейшая.

- Серьезно?

- Ага.

- Так она говорит? Но не двигается? Ясней выражайся!

Людка посмотрела на него недовольно.

- Не говорит она. Мычит только. И не шевелится.

- А личность установили? – Борис замер, переставая жевать.

- Не-а. Ни документов, ни вещей, ни свидетелей. И похожую вроде никто не ищет. Там, кстати, к главврачу сейчас полицейский придет, чтобы ориентировку на опознание дать. Вдруг, кто узнает...

А еще Руслан приедет на днях, помощь опять нашей больничке оказывает, на ремонт денег дает, раз из госбюджета не выделяют. Святой мужик! Может он ее заберет? Как ту бабулю, помнишь? Выходил же, родственников нашел!

- Ха! Пижон этот городской! Терпеть его не могу! Слюни вытри, мечтаешь! – Борис зло хмыкнул. – Не видать ему этой крали! Сами выходим!

Борис засунул в рот всю оставшуюся еду, проглотил не жуя, поперхнулся. Людка протянула ему стакан воды, и он благодарно кивнул.

А все-таки, не плохая она баба, хоть и душная, зануда то есть. Так и он не подарок. Зато она в теле, он таких любит. Он встретился с Людмилой взглядом, и оба улыбнулись.

- А еще знаешь что слыхала? – Люда сощурилась.

- Ну? – гаркнул.

- Ее хотят по той базе потеряшек прогнать. Но помнишь,

девчонки пропадали, подростки? Вот у Руслана сестра, еще девочки…

- Моя старшая сестра так-то тоже исчезла! Когда мать прав лишали и нас в интернат сдали, – буркнул. Он ее не помнил почти, сестру эту, разница в тринадцать лет существенная, но…- И что?

- Так да, в те года, а она по возрасту, возможно, подходит, вообще же беда была. Маньяк, что ли тут, водился? Ужас!

- Может. Дальше, что, Люда?!

- Ну вот, хотят они, значит, по базе этих потеряшек прогнать. Там же ДНК всех родителей есть. Глядишь, совпадет что…

- М-м, прикольно. Но что-то сомневаюсь. Ее вон, по телеку показывают. Хотя, если присмотреться, и на мою как будто похожа. Могла такой вырасти, нет? Надо фотки ее найти, сеструхи этой.

- Ну если она ваша, то точно не по телеку скачет.

- Ну да. – Хмыкнул, задумчиво. – Ладно, я пойду.

- Домой? Спать?

Она вытащила изо рта кость от рыбы.

- После ночи сам Бог велел спать. Но это позже, а пока дела у меня.

- М-м, деловой то какой!

На ее лице застыла маска ехидства. Или заигрывает она так. Не понятно.

- Ты пиши если что. Тебе же тоже на сутки только в по-

недельник?

- Ага, - она прыснула смехом. – А что писать то?

«То» она произнесла нараспев. Точно заигрывает. Не показалось.

- Ладно, я напишу. Может, сходим куда. Что думаешь?

- А может, и сходим. Пиши.

И она вновь закаркала хриплым, но громким смехом. Борис натянуто улыбнулся и вышел.

Глава 8

У кабинета главного врача уже стоял высокий и худой, точно палка полицейский. В руках он держал папку скоросшиватель и ручку.

- Здравствуйте, - поздоровался Борис и прошмыгнул мимо. Свернул за угол и замер, прислушиваясь, потому как главный врач вышел из кабинета и продолжил, начатый видимо несколько минут назад разговор:

- Не помнит. Ни имени, ни откуда родом, ни как угодила в эту аварию. Описание составим, может и узнает кто. Единственное, что во сне, она часто рассказывает о себе, а проснувшись, не помнит этого. Я лично слышал ее бормотание и вроде бы похоже на правду, а вроде и нет. Сцена какая-то, драгоценности, муж-изменщик. Возможно, мозг просто так реагирует на стресс и выплескивает фантазийные сны, что-то типа галлюцинаций.

Борис сглотнул слюну и сильно зажмурился. Скривился весь, сжался. Нос нещадно защекотало, и он все-таки чихнул. А открыв глаза, увидел лицо Радислава Георгиевича, главного врача и давнего знакомого по совместительству. Он у него еще в универе учился на медицинском, а как отчислили, Радислав его на курсы санитаров пристроил, а потом и сюда взял.

- О, Борис, ты здесь. Как вовремя! Подсоби!

- Да, здравствуйте. Я вот мимо проходил, да…

- Это удачно, что мимо. – Перебил торопливо. – Я на операцию уже бегу. Экстренная. А ты про девчонку из третьей палаты товарищу расскажи. Ты же дежурил сегодня, когда она в себя пришла, описать ее сможешь? Люду еще подключи. Составьте подробное описание: ну, там возраст, черты лица. А то я все, опаздываю. А мне опаздывать нельзя, на кону жизнь человека.

Борис кивнул. В груди заклокотал огонь. Возбуждение. Адреналин. Неужели то, о чем он вчера подумал, может исполниться?

- Хорошо. Все сделаю, не переживайте!

- Приятно было познакомиться, оставляю вас. – Радислав Георгиевич пожал полицейскому руку, хлопнул Бориса по плечу и оставил одних посреди коридора.

- Ну что же, - мужчина раскрыл папку, нажал на кнопку шариковой ручки, посмотрел ему в глаза. Пристально. Чуть щурясь. По спине Бориса поплелся холодный пот. – Расскажите? Визуальный портрет? Мне в палату не рекомендуют, неизвестная не в себе, поговорить не удастся, поэтому так и быть, быстренько с ваших слов запишу и пошел я, тоже дел полно.

- Да, конечно. – Борис сглотнул слюну. Перед глазами пухлые губы. Яркие, красные, точно бутон малинки.

- Губы тонкие, ну такие бледной полоской. Прям нет почти их. Тонюсенькие.

Полицейский черканул в блокнот.

- Так-с…Глаза?

- Глаза… - Борис вспотел. Провел влажными ладонями по штанам. Его жмуры так не тревожили, как описание этой…- Ну глаза…такие…

Вспомнил четко: лысая некогда брюнетка смотрела на него и Людку большими круглыми от страха коричнево-зелеными глазами. Чистыми и яркими, как кофейное зерно на золотистом блюдце. – Кажется голубые.

- Голубые? Или кажется?

- Нет точно, голубые!

- Волосы?

- Так она лысая. Ну, рыжие были, кажись. Нос прямой, лоб прямой.

Мужчина усмехнулся.

- А что, бывает непрямой?

И подняв голову, посмотрел на Бориса. Смущенно опустил взгляд. Потому что непрямой – это как раз про Бориса. Ямка по середине лба у него. Глубокая.

- Возраст?

Борис задумался. По телеку передавали, что ей тридцать с хвостиком. Тридцать восемь точнее – хвостик длинный. Этой на вид около тридцати, ну, потому что худая и лысая, точно младенчик…

- Лет двадцать примерно. Не больше, думаю.

- Да? А Радислав Георгиевич говорил, что женщина, лет

тридцать – тридцать пять.

- Так вас налысо побрей и не корми неделю нормальной пищей, тоже, небось, состаритесь. Я ж говорю, что видел и не раз!

Борис заржал, а полицейский лишь сощурился, чуть улыбнувшись левым уголком губ.

- Спорное утверждение, но да ладно, оставим пока так. Наши люди все равно чуть позже допросят ее, как будет разрешено. Все-таки по повреждениям похоже, что ее сбил автомобиль, да еще и переместили тело, думая, что мертва. Выкинули в море или что там произошло…На лодочной станции как оказалась? Вопрос…А дорог там рядом нет, глушь, да леса, да скалы. А она в машинном масле. В общем, дело темное. А это уголовная ответственность, статья.

- Статья, ага.

- И дача ложных тоже статья, - добавил зачем-то.

Борис гаркнул что-то нечленораздельное. Вытер со лба испарину.

- А я не вру.

- Хорошо, - полицейский наконец захлопнул папку. – Сегодня же дадим ориентировку. Спасибо и на этом. Пробьем по сводкам, может, найдется кто, кого ищут по подходящим параметрам.

- Ага, - Борис сглотнул слюну, чувствуя, как по вискам течет пот. Бисеринки пота вот-вот норовились скатится ему на глаза. – Вам спасибо. Мы всей больницей за нее переживаем

и ждем, что родственники найдутся.

- Дай Бог, так и будем. До встречи.

Полицейский развернулся и зашагал по коридору к двери с яркой горящей вывеской «Выход», а Борис прислонился к стене и чуть не сполз вниз. Сердце бешено отстукивало самбу, но, кажется, у него все получилось.

Первое: мать будет в восторге, когда узнает!

Второе: он уверен, что это его сестра. И она, коза такая, неплохо устроилась!

И третье: даже если она ему никто, он за нее сам выкуп попросит у ее богатого муженька!

Глава 9

До места назначения добрался без приключений, хотя обычно на подъезде к дому – в маленький полузаброшенный посёлок в пятидесяти километрах от райцентра, машина вязнет в грязи. Дорогу давно размыло – бесконечные дожди сделали свое дело и в паводке и бесконечной ряби воды, косые одноэтажные постройки смотрелись убого. Выделялся в неровном строю хибар их с матерью дом – пристроенный когда-то второй этаж – был чуть ли не единственной высокой точкой в округе.

Борис чертыхнулся, перепрыгивая через корягу, вбежал во двор дома. Мазнул взглядом по ржавым скрипучим качелям, которым вот уже лет тридцать и влетел на деревянное крыльцо.

- Мать, открой! – прокричал, с силой ударил кулаком по двери. Старое дверное полотно, выкрашенное в оранжевый цвет и утеплённое дерматином, затрещало.

- Чего ты, Борька? – прошелестела мать, открывая дверь.

Борис влетел в дом, не разуваясь протопал на кухню.

- Чайку налей! Разговор есть!

Мать молча кивнула, но кинула на него заинтересованный взгляд.

- Чего это ты? Средь дня приехал, с работы убёг? Говори!

На кухонном столе стояла початая бутылка клюквенной

настойки, банка с килькой – наполовину съеденная и кусочки ржаного хлеба.

Борис схватил хлеб и понюхал. Макнул в томатный соус, пальцем подправил кильку на хлеб и сунул в рот. Смачно причмокнул, жуя. Повертел головой и взял со столешницы головку лука. Чиркнул по ней ножом, разрезая наполовину и без смущения откусил от луковицы приличный кусок. Сунул в рот хлеб. Зажевал.

- Ну?

- Неси фотокарточки сестры! Кажись нашлась!

- Как это? – мать выронила из рук металлическую кружку. Осела на табурет.

- Вот так! Лежит она у нас в больничке.

Мать прищурилась. Хлопнула вдруг по столу рукой:

- Исключено. Ты что пьяный?

Борька хмыкнул.

- Пока нет, но скоро выпью! Отметим возвращение блудной дочери!

- Перестань! Сгинула она давно! Двадцать лет прошло…Не береди!

- Что не береди? Ты смотрю, не особо печалилась на ее счет. – Хмыкнул. – Ты лучше расскажи про тот день? – спросил вдруг. – Даже если ЭТА неизвестная не она…я сделаю что станет наша. Она без памяти. Она никому не нужна. А мне надо, мама! – заканючил вдруг как ребенок, стуча пальцами по столу. Скребнул хлебом по жестяной банке, снова

в рот сунул лук и рыбу. Над верхней губой остался след томатной пасты. Цокнул обиженно.

- Да что говорить? – мать его выдохнула. – Ушла и не вернулась.

- Ну так и думал, - скривился. – А мне надо ма, слышишь? Сестру хочу.

- Ой, недоделанный. То сестра, то еще кто…На кой оно тебе?

- И сестра. И деньги. Она хорошо устроилась! Богачка.

И тут мать прониклась. Глаза её сверкнули так, что Борис счастливо улыбнулся.

- Ну как ушла-то? Куда? Откуда? Тебя же родительских прав лишили, нас в детский дом отвезли. Она же оттуда пропала?

- Не оттуда. А из детского лагеря. Бегали они туда, он рядом был. Между детским домом и лагерем лес был, вот и сбегали. Да там много пропадало народу. Море рядом – официальная версия, что все утопли.

- И наша?

- И наша. И наша…

- А ты что думаешь?

Мать пожимает плечами. На ее конопатом морщинистом лице маска недоумения. И безразличия. И снова хитрый прищур. Юлит мать, врет!

- Да черт ее знает! – ведет плечами. Наигранно. Борис не дурак. – Гадалка как-то сказала, что тело ее не в воде.

- Умерла?

- Погибла. – Вздыхает. – Но не вода причина, а человек. И тело ее в каменном колодце, а над ней люди ходят.

- Да ну! – Борис нахмурился. – Если бы коллектор или канализация, давно б нашли. Под землей? Раз люди ходят.

- Место показывала даже на карте – район Багратиона, где новые дома теперь высотки. Вот под одним из них и она, дочь моя. Замуровали, следы замели и дом возвели.

Борис сощурился.

- Фото неси!

- Да нет ее! И фото в подвале. Схоронены.

- Мать! Она богачка! А ты завязывай мне лапшу на уши вешать!

Борис поджал губы. Он сам посмотрит. Мать опять к бутылочке присосалась и ей дела нет до пропавшей когда-то дочери. А у Бориса аж все свербит! Берет телефон со стола и ищет информацию о той самой Полине.

Да одно лицо! Он не дурак! И не слепой! А кто увидел первый, того и баба…

А потом ищет ее мужа – куча статей и его соцсети. Пишет ему с усмешкой в одном из приложений:

«Я нашел вашу жену. Я знаю, что она вам не нужна. Заберу себе. Но не бесплатно. Жду ответ. И отдаю либо вам, либо полиции».

Нажимает отправить и знает наверняка – такой жук ему точно ответит. И они спокойно всё провернут…

Глава 10

Руслан вывернул руль и остановился аккурат напротив главного входа больницы. Такого убогого лечебного заведения он давно не встречал, да и что он хотел от такого богом забытого места?

Ну ничего, сейчас осмотрится, наметит план. Фирма матери уже готовит гранд на помощь, да и он обещал. В том году его помощь приняли на «ура», а у него от благих дел сердце радуется.

Едиными деньгами сыт не будешь. А их у него достаточно.

- Руслан Сергеевич! – почти взмолилась заведующая одного из отделений и бросилась к нему навстречу. Вслед за ней с крыльца спускался и Радислав Георгиевич, главный врач.

Пора слов приветствия, пара фраз о делах, и они снова идут в обход по коридорам больницы.

- Что нового? – Руслан заглянул в одну из палат, поздоровался с пациентами.

- Да все по-старому, - кивнул главврач. – Что у нас может быть нового?

- Ясно.

Перед глазами появилась полненькая медсестра Людмила, которую он помнил еще с прошлого визита. Она спрятала за спиной металлическую утку и вытянулась в лице.

- Как ничего нового?! – встряла нагло. – А в палате номер три?

Радислав гаркнул что-то нечленораздельное, и медсестра испарилась.

- А что у вас с третьей? Или кто? – Руслан выгнул брови. – Ну? Говорите же!

- Да ничего необычного! Просто тяжелый пациент, но не будем забивать вам голову, дорогой вы наш! Мест, кстати, нет, все палаты заняты! Наплыв в отделениях нереальный! Как в коронавирус прям!

- Так вы одни на весь район! – Руслан хмыкнул. – Ладно, давайте расчеты и смету на ремонт, мы с администрацией согласуем. Выделим вам гранд.

- А на оборудование новое?

- И на это, возможно. Обсудим. На днях с матушкой к вам приеду. Готовьтесь.

- Будем ждать!

Руслан кивнул, пожал руку и направился на выход, держа папку с документами в руках. Проходя мимо палаты номер «три» посмотрел на дверь и качнул головой. Кто-то там плох, но его не посвятили, а значит, справятся сами. В том году не могли сами, так он нашел средства чтобы помочь. В свой центр оформил пациента, и его врачи выходили. А по-другому никак – у него не персонал, а светила медицинских наук! Они всё могут!

Дорогу в этом поселке вновь размыло. И ему, непривычно

было уже такое лицезреть. Там, где он проживал – в горах над самым морем, такой беды не было. Дома в его округе элитные, дорогущие, да и мало их – не более десяти. Потому что огромная территория принадлежала его санаторию и его же дому. А другой территории там не водилось – горы, скалы, да камни.

Отвлекся от дороги на мгновение – на телефон снова приходили сообщения из поискового отряда, в котором он числился. Пропала девушка. Нажал на карточку ориентировки и бросил взгляд на дорогу. Впереди не дорога, а вода. Еще и ливень усиливался. И где-то здесь, он помнил, была на дороге яма.

Точно!

Бам! Бампер заскрипел, руль крутануло вправо, а машина вдруг пошла юзом.

Руслан чертыхнулся, выкручивая руль и давя на педали. Но аварии уже было не избежать…

…Рус зашипел от боли, что скрутила все его внутренности в тугой узел. Может зря он отказался от каталки и упрямо пошел сам. Говорят, от его новенького внедорожника не осталось и следа. Чудо, что сам выжил и почти без травм.

С виду Руслан казался довольно целехоньким, а вот внутри горел огонь из боли и злости на самого себя. Знал ведь, что непогода разыгралась не на шутку, слышал, что ночью ожидается сильный ливень и все равно поехал в эту глушь.

- Сейчас на рентген и анализы. Голова кружится? Мутит?

– Радислав Георгиевич прикоснулся к его плечу и заглянул в глаза. Руслан проморгался. Оказывается, он словно выпал на минуту из реальности. Голова действительно кружилась, а сам он еле стоял на ногах.

- Вот опять вы у нас! Ну надо же так! Вас скорая привезла к вам, хоть и мест нет! – покачал головой врач. – Но для вас найдем!

- В коридоре? – пискнула сестра Людмила.

- Людочка, вы что такое говорите? – главврач укоризненно мотнул головой.

- Но свободных мест нет, - проблеяла она опять. Руслан скосил глаза в ее сторону, но сфокусировать зрение не удалось. Черт! А дела-то плохи!

- Ничего, Людмила, мы что-нибудь придумаем. Для Руслана Сергеевича всегда найдется место, а помощь ему нужна безотлагательно. На улице настоящий ливень, непогода продлится всю ночь, до утра не ждать иной помощи, а в большой город до больницы не добраться. Наше скромное заведение единственное в округе способное помочь.

Главврач взял медсестру под локоток, с силой сжал пальцы.

- Ты вообще в курсе кто это? Это сын нашей уважаемой Любови Дмитриевны.

- Так я знаю же! – Людмила закусила губы, стрельнула глазами в красивого высокого и сильного мужчину, что сел на скамейку и зажмурился от боли.

- Где есть места? – кивнул Радислав Георгиевич.

Людмила нервно повела плечом.

- Только в третьей палате. Где наша неизвестная нежилец. Там же есть койка у окна. Только там.

Руслан вскинул голову, продолжая сидеть, скрутившись от боли на кушетке. Тело отзывалось тупой болью, глаза слезились, голова медленно заполнялась тугим туманом.

Врач вздохнул, переглянулся с молоденькой медсестрой.

- Ладно, черт с ним! Давай к лежачим.

- То есть к этой?

- К ней.

- Ей стало хуже, - заметила Людмила, между прочим. – Снова не приходит в себя. Может ей осталось несколько дней, кто знает?

- Люда? Как ты можешь так говорить? – одернул ее главврач, краснея.

- А что я? Первый раз такие поломанные у нас что ли.

Медсестра нахмурилась. Неизвестной пациентке и вправду прошлой ночью снова стало плохо. Уже сутки она не реагирует ни на свет, ни на зов. И больше не говорит во сне ни слова. Вообще не шевелится.

- К ней давай. Куда деваться.

Руслан нахмурился. Кто-то и встать не может, а он еще, считай, легко отделался.

- В третью палату? – спросил тихо.

- Да. Туда. На ночь, а к утру что-нибудь придумаем!

- Ничего. Не страшно! Вот видите, я все-таки узнаю тайну палаты номер «три»!

Глава 11

Пока он сдавал анализы и проходил рентген, для него подготовили койку в палате. Врач извинился тысячу раз за неудобное соседство, но заверив, что это только до утра, удалился на обход.

Руслану было плевать до утра или до вечера, надолго он оставаться в этой унылой больнице не собирался. Если бы не гнусное стечение обстоятельств, он бы никогда не возлежал здесь, но так распорядилась судьба.

Больничные стены всегда навевали на него тоску, погружая в невеселые воспоминания детства, а эта районная лечебница и подавно давила на психику одним только видом. Пошарпанные стены, не видавшие ремонта много десятков лет, запах лекарств и безысходности. Гнетущее состояние, из которого хотелось поскорей выбраться. Может оттого и его санаторий совсем не похож на стандартную лечебницу, скорее на дорогой курорт.

Как только погода улучшится, за ним приедут. А пока ему надо действительно поспать. То ли усталость и стресс, а может и в купе с лекарствами, но его морило в сон.

В коридоре его поджидала дежурная сестра, которая вызвалась проводить до палаты.

- Пройдемте, - заискивающе прошелестела та, и он послушно пошел вслед за ней. В голове тут же всплыл голос

врача: «Не жилец».

Должно быть, какая-то старушка доживает сейчас свои дни или даже часы. Он постарается не смотреть на нее и не думать о том, что у жизни есть срок. Хотя что уж – у всего есть срок – этого ли ему не знать.

***

В палате было тихо.

Жутко пахло лекарствами и мочой.

Он снова поморщился, облизнул сухие губы.

Медсестра кивнула на пустую кровать у окна и, проинструктировав его о том, где ее найти в случае необходимости, вышла.

Дверь закрылась. Палата погрузилась в легкий полумрак. Лишь тусклый свет лился из другого угла, где стояла кровать с пациенткой.

Он сел на койку. Выдохнул, обхватив голову руками, взъерошил волосы, стараясь успокоиться и не думать о том, что лезло в голову. Тело ломило от слабости, от уколов, что только что ему поставили, безбожно клонило в сон. Вот угораздило же его!

Со стороны второй кровати послышался протяжный выдох. Еле уловимый стон.

Руслан все-таки вскинул голову и посмотрел в тот угол. Он был уверен, что взгляд его споткнется о сухую старушку, прожившую долгую счастливую жизнь до больницы, но от удивления воздух со свистом выбило из легких.

Молодая женщина, укрытая простыней до груди. Совсем не старуха! Ее тонкие, почти прозрачные руки свисали с кровати, по которым черными линиями выступали вены – исколотые до кровавых ран.

Та, которой осталось всего несколько дней, не спала. Ее большие глаза смотрели прямо на него, и в них он безошибочно прочитал страх. На мгновение показалось, что он уже видел эти глаза раньше, но этого не могло быть. Он бы запомнил.

Руслан выдохнул, отворачиваясь. Отвернулся к окну, но ее взгляд чувствовался кожей, царапал его острым коготком, драл наждачкой, травмировал острым лезвием, и он снова на нее посмотрел. Почти против воли, потому что ее проблема – только её, у него своих хватало.

И замер, напрягая зрение, чтобы в полумраке палаты – свет такой тусклый, что проще ослепнуть – как следует ее разглядеть.

Глаза огромные. Шоколадные. В них боль с и страх.

Губы пухлые, плотно сжатые. Она не говорит ни слова.

Нос маленький с огромным лейкопластырем, а всё лицо в ссадинах и синяках.

Кто ж тебя так, дамочка? Да за что? Тоже авария?

Руслан нахмурился. Как огромный медведь неповоротливо уселся удобнее. Вчера тело ломило от интенсивной тренировки в зале: ему тридцать шесть, и он любит активные виды спорта, а сегодня все ломит еще и от травм. Выдохнул

снова, покачивая головой.

Незнакомка смотрит на него не моргая. И он хмурится, но смотрит в ответ.

Интерес вспыхнул в нем как спичка, разжег фитиль, который теперь не загасить. Выведает ведь теперь из принципа – кто такая, да за что…

- Ну, здравствуй! – Кивнул.

Показалось – она моргнула.

- Я до утра с тобой немного, не обессудь, - проговорил низко, скользнул по ее постели взглядом и взбил худую подушку.

Лечь бы, откинуть голову, да провалиться в спасительный сон, но тот, как назло, как рукой стянуло. Душно. Захотелось открыть настежь окно, но он вновь покосился на соседку – под тонкой простыней видно ее обнаженное тело – замерзнет.

Руслан сглотнул колючие слюни. Собственная боль притупилась на фоне ее заката.

Несколько дней?

У нее всего несколько дней?

Он вновь вскинул голову.

Не прилично, наверное, таращиться на больного человека, но глаза сами жадно высматривали ее из полумрака. Что-то было в ее взгляде и одновременно пугающее и завораживающее. Или он просто с годами стал сентиментальный? Да и не был никогда груб к жизни, чопорным и жестоким. Все-

гда доброе сердце правило разумом.

Руслан выдохнул собственным мыслям и лег на спину. В груди отозвалось глухим ударом. Нет, у него даже переломов нет. Так гематомы, ссадины, да ушибы. Он здоровый мужчина в расцвете сил, ему еще жить да жить.

Повернулся на бок, точнее специально к ней спиной. Закрыл глаза. От обезболивающего боль утихла, клонило в сон, и голова медленно наливалась свинцовой тяжестью, но спина неимоверно горела – от ее пристального взгляда. Что ж, возможно рассматривание его ее единственная доступная роскошь.

Пусть так. Ему не жалко.

Помучавшись так минут пятнадцать, он снова порывисто сел и вонзил в девчонку острый, как бритва взгляд.

Не спит.

Голова чуть повернута в его сторону.

Смотрит прямо на него все такими же расширенными от ужаса глазами.

В ее глазах пелена и боль? В них – карих и по-детски испуганных – черный лед и он вздрогнул, ощутив этот холод и эту боль физически.

На мгновение показалось, что она не на него смотрит, а просто ее взгляд застыл в пространстве, промелькнула даже тревожная мысль, что она умерла, но хрупкая женщина вдруг несколько раз моргнула и со свистом выдохнула.

- Ты пить может, хочешь? – зачем-то спросил он и сам

себя же мысленно отругал.

Зачем он лезет к ней со своими вопросами?! Час от часу не легче.

Но она вдруг отозвалась. Чуть мотнула головой и вдруг… улыбнулась уголками губ.

***

Боря взял в руки журнал регистрации носильных вещей, щелкнул автоматической шариковой ручкой, сел удобнее. Раскрыл на сорок третьей странице и посмотрел на мешок с вещами перед его лицом – вещи нового покойного, что спустили с больницы к ним в морг. Неизвестный. Тоже нашли на берегу. При нем хиленький скарб: неработающий телефон – промок, и рюкзак, в котором портмоне с жалкими пятьюстами рублями и ключи от какой-то двери. Должно быть, от дома.

Боря сделал опись вещей, добавил одежду, с которой мужчина к ним «поступил». Облизнул колпачок ручки, поморщился, вспомнив каким разбухшим был этот мужик. Утоп он, как и всякие до него, в море. В их захолустье это частый случай. И всех к ним везут, хотя это работа судебного бюро! Но они ушлые, хитрые, как и вся здешняя полиция. А ему ведь за чужие трупы не доплачивают!

Борис вздохнул. Не жизнь, а кутерьма, ей-богу!

Покрутил в руках купюру – когда деньги бывали лишними? И без зазрения совести сунул в карман.

Журнал регистрации носильных вещей, вещественных

доказательств, ценностей и документов в морге – хранится десять лет. И несоответствие хранимого и описанного – подсудное дело, но Боря привычно ухмыльнулся, потому что – кто докажет? Ведь он в журнале такую запись не сделал. Завязал мешок, подписав номер, и бросил в металлический шкафчик позади себя.

Если полиция личность не установит – куковать этому мужику в холодильнике, а потом за счет государства на кладбище. Сколько он уже таких видывал! И сколько у него ценностей от таких залетных дома – не счесть!

Особенно его радовали дамы. Родственники, конечно, возмущались всегда: где сережки, где кольцо?! Некоторые особо нервные и жадные даже скандал устраивали! А он не видел! А раз не видел, то и не записал. Значит и не было. У него разговор короткий.

Конечно, в большом городе, да даже в областном морге такое бы не прокатило, с него бы десять шкур содрали за нарушение, а тут…всем плевать. Да и нормальные в его морг не попадают. Ну те, что с нервными родственниками.

Боря хмыкнул. Вот вернется его сестра и он ей целую шкатулку украшений подарит! Или жене. Только вот не влюблялся он ни разу…А драгоценностей дома много…

Закрыв журнал, Боря откинулся на спинку старого стула. Утренняя монотонная работа сделана – для вскрытия подготовил, после вскрытия тело убрал. Можно и наверх наведаться, но для начала он позвонит! Потому что все тело зу-

дит и свербит от предвкушения – знает наверняка, что девка эта никому не нужна. Так пусть она его сестричкой станет!

Борис разблокировал телефон и вновь написал этому хмырю. Ответ пришел тут же!

«Ну и что ты думаешь, я тебе поверил? Таких сообщений сотни. Подтверждение где?»

Борис взволнованно сглотнул, увидев входящее на почте сообщение. Глаза загорелись огнем, а дыхание так участилось, что бедный закашлялся. Выдохнул, облизнув кончики замасленных пальцев, застрочил в отчет:

«Сегодня же фото пришлю. Она это! Она! Зуб даю!».

Адресат сообщение тут же прочитал и прислал короткое: «Жду».

Борис подпрыгнул с места. Закрутился волчком, начал переодеваться. Сейчас он сфотографирует эту клушу и дело в шляпе!

Спустя пятнадцать минут фото неизвестной полетело адресату. Тот долго набирал текст – карандашик бегал по пустому письму, а потом ему позвонили на оставленный в почте контакт:

- Не уверен, что это она. – Прохрипел мужской голос.

- Да как же? Жену не узнаешь?! – Боря облизнул сухие губы. – А если обнародовать, да тест-ДНК?

- Ладно, замолчи, что за фантазии?! Похожа. – согласился, выдохнув. – Кто еще в курсе, что это может быть она?

- Никто. Пока что. – И Борис кратко рассказал все что

есть про неизвестную. Мужик ее снова долго молчал, а потом прохрипел:

- А тебе интерес какой?

- Деньги. – Цокнул Борис, оглядевшись. В больничном коридоре пусто. Ни-ко-го.

- За что?

- А за что скажете, - ответил уклончиво и засвистел. – Могу оставить неизвестной, могу огласить что ваша. Если ваша – ваши проблемы, если моя – то моя. Увезу домой, а оттуда она не выйдет.

- Ты потише там! – рявкнул вдруг. – Есть кто рядом?

- Не-а. Такой разговор! Чай не дурак я! Да к тому уже у вас невеста есть молодая – читал газеты, там же скандал! Жены нет, а вы на премьеру спектакля с молодухой.

- Ты многое себе позволяешь! – зашипел мужчина.

Точно ее муж! Точно!

Борька теперь не сомневался.

- А позволю еще больше, когда узнают все, кто у меня тут лежит! Забираете или моя?

На том конце трубки снова воцарилась тишина, муж ее молчал, переваривая услышанное. И Боря уже успел испугаться, что сильно надавил, но тот спросил:

- Что ты хочешь?

- Я знаю наверняка что в ваших интересах, чтобы она сгинула. Могу устроить! Комар носа не подточит. Уйдет навсегда!

- Что ты несешь, идиот?! – заревел тот и добавил тихо и торопливо: - Позвоню с нового номера. И ты симкарту смени. Адрес скажи, от меня человек заедет. Мне не с руки, чтобы она пришла в себя и лазила по городу, слышишь? И приехать не могу, нельзя светиться. Человека пришлю. Где ты говоришь это?

Боря назвал адрес.

- Через пару часов будет. Знаю ваше захолустье, у меня там в полиции знакомый есть, должок за ним. И не звони мне сюда, ясно?

- Ясно.

- Всё, на связи.

Глава 12

Руслан до самого утра не сомкнул глаз и это несмотря на то, что его мучила дикая слабость и головокружение. Да еще в палату то и дело заходили – то медсестра проверить лежачую, то медбрат что-то там пошурудил, кажется, сфотографировал и вышел. А едва палату заполнил утренний свет, его наконец сморило. А когда пришел в себя, на стуле сидел Гарик, начальник местного отдела полиции и его хороший знакомый.

- Паршиво выглядишь, - сказал он, усмехнувшись, кивнул на тумбочку у изголовья кровати. – Витамины тебе по старой памяти!

Руслан проследил взглядом: яблоки, апельсины – банально и пошло. Какие на хрен фрукты? Он в своем уме? Ему бы сейчас стакан виски с колой и льдом и сочную теплую девку под бок. И все несчастья бы как рукой стянуло.

Утренний свет сочился сквозь мутное окно, в щели которого неимоверно сквозило. Пошарпанные стены бледно зеленого цвета, желтый в разводах потолок.

Руслан недоуменно мотнул головой, застонал от резкого головокружения.

Нет, он, конечно, экстремал, но не настолько, чтобы так. Ему бы Бали, острова на океане какие-нибудь для дайвинга, а не полуразрушенные здания и заброшенные села. Это

по части его матери. Она, как меценат и основатель благотворительного фонда часто посещала подобные места, спонсировала, помогала. Вот и эта районная больница была, под крылом и попечительством ее фонда. И он помогал, не без этого, но вот ночевать в таких местах давно не приходилось. У него свой санаторий имеется, если что случается по части здоровья, то он восстанавливается исключительно там. А там условия королевские.

- Спасибо. – Ответил, улыбнувшись. – Ты как здесь оказался? Какими судьбами?

- Да по делам, да по работе. – Хмыкнул Гарик, обнажая желтые зубы – мелкие и частые как у пираньи. Да и весь он походил на хищную рыбу – глазки мутные – бледно-серого цвета, всегда бегают. Сам щуплый и худощавый. И никогда не смотрит в глаза. Подозрительный в общем тип, но! – начальник местной полиции – эта обшарпанная контора со штатом в пять человек.

- Ясно! – Руслан хмыкнул.

- И в дождь, и в град служба зовет! Да ты по сводкам прошел, точнее авария с твоей машиной. Вот, забежал по старой памяти! Как дела, Русланыч? Выглядишь неважно! Как бизнес? Прёт?

Руслан усмехнулся и вкратце рассказал о текущих делах – акции его фирмы росли, что не могло не радовать, авторский курс по психотерапии – пользовался спросом, и онлайн-семинары были расписаны на год вперед. Санаторий процве-

тал. Машина, на которой он вчера сделал не один кульбит в воздухе, восстановлению не подлежит. Ладно хоть сам цел остался.

- Везучий ты, Родионов, - прошелестел Гарик, сверкая зубами – иглами. – А ведь на тот свет мог отправиться! В который раз уже за год? Поберег бы себя! Выписывайся и езжай к себе. Наши гиблые земли забудь, как страшный сон, а то вчера авария, а две недели назад со скалы сорвался! Чего тебе все не сидится на жопе ровно?

- И не говори, непруха какая-то! – Усмехнулся. – Ну так девчонку искали! Я ж с волонтерами на короткой ноге, мимо призыва о помощи пройти не могу.

- Искали и до сих пор не нашли! – Гарик вздохнул и резанул ребром ладони по своему горлу. – Вот мне уже эти пропадающие где! Уезжают в большие города, бегут как тараканы, а родители-алкаши ищут. Да сбежала эта девка от них, как и десятки до нее, потому что здесь, в этом болоте, жизни у молодежи нет! Одна дорога – спиться!

- Согласен! Ее подруги же так и сказали – мечтала о красивой жизни!

- Вот и ответ. А ты везде успеваешь! Вот везде! Жениться тебе надо и некогда будет изображать из себя спасателя. А то еще в какой просак попадешь!

Руслан ухмыльнулся.

Гарик сегодня особенно борзый, словно задумал чего. Но он все же прав. И эта закономерность неудач ему очень не

нравилась. А если вспомнить еще дайверское погружение в Карелии месячной давности, где у него вдруг отказал баллон с воздухом, то получается, что уже три раза смерть дышала в затылок. Про тот раз он никому не сказал, но факт оставался фактом. И главное, на берегу все проверил – в баллоне еще предостаточно кислорода, но манометр на глубине утверждал обратное и не давал сделать даже маленького глотка воздуха.

Гарик что-то говорил, а Руслан мотнул головой, сбрасывая размышления, облизнул вмиг пересохшие губы. Резко сел. Пропавшие – пропавшими, так здесь же тоже неизвестная есть!

Аккурат за спиной товарища в дальнем углу стояла кровать, но из-за фигуры Гарика он не видел сейчас пациентки. Видел лишь тонкую руку, пальцы которой то сжимали, то разжимали провода. А говорили она обездвижена!

- Гар?

- Да. – Отозвался тот, спросил, нахмурившись: – Рус, ты меня совсем не слышишь?

- Слышу. Подвинься, а?

- Что?

Руслан с шумом выдохнул и привстал сам.

Он был прав.

Темное небо глаз, окутанное страхом. Взгляд осмысленный. В радужке блеск и интерес. Худющая. Бледная от лекарств и болезни.

Незнакомка открыла глаза и замерла. Их взгляды пересеклись и в точке соприкосновения застыли, замерли, повязнув друг в друге, словно в густом меду.

- Доброе утро! – Сказал бодро. Чуть улыбнулся.

Женщина дернулась, но взгляд не отвела.

- Ах, еще одна на мою голову! – прошипел рядом Гарик. – Но ДНК сделали утром, скоро найдутся ее родственники. – Ладно, Русланыч, бывай. Дел по горло!

Они пожали друг другу руки. Гарик посмотрел на неизвестную странным взглядом и дернув плечами, вышел. А в коридоре его уже ждал Борис и собеседник на телефоне. Эта троица уже всё решила…

Глава 13

Руслан – катаю беззвучно на языке.

Его имя Руслан.

Красиво.

Я бы сына так назвала…

Моргаю испуганно. Сына? А у меня есть дети? Пытаюсь хоть что-то вспомнить, но тщетно.

- Может, воды? – произносит вдруг он, и я вновь моргаю.

Хотела бы ответить, да не могу – язык словно прирос к небу. А пить хочется, он прав – нестерпимо, до жара и сухости во рту!

Снова прохожусь по нему взглядом – этот высокий и широкоплечий мужчина меня гипнотизирует.

Крепкие плечи и руки, громкий задорный и властный голос – стальные нотки как предупреждение – в любом споре он победит. Да, глядя на него, и спорить не хочется – неужели есть такой дурак или дурочка? Едва мой сосед появился в палате, как стало ясно – он сильный, со стержнем, энергетика такая сильная, что аура в палате изменилась – пошла током, затрещала. И мне даже легче дышать стало. И почти не страшно. И захотелось побыстрее подняться и стать здоровой.

Зарядившись от его взгляда током, я снова с огромным усилием шевелю пальцами. И все внутри дрожит и ликует –

у меня получается!

И мужчина улыбается, видя мои потуги. Кивает и пересекая палату, все-таки наливает в стакан воды. Останавливается у моей кровати, и я снова завороженно смотрю в его глаза, но ровно в тот момент, когда раскрываю губы, чтобы принять воду, в палату влетает сестра.

- Руслан Сергеевич, доброе утро! Вам освободили платную палату. Я пришла вас проводить! Собирайтесь!

Я не овощ, не оболочка, я еще жива! Потому что острое разочарование, что накрывает с головой, чувствую каждой клеточкой своего тела. Мне жаль, что он уходит…

Медсестра цепко хватает его под локоть и указывает на дверь.

- Подождите, - он высвобождается, стреляя в нее гневным взглядом. В дверях спрашивает: – Что с этой девушкой?

А я прикрываю глаза – веки тяжелые, и превращаюсь в слух.

- Не волнуйтесь за нее, о себе думайте. Мы подготовили вам хорошие условия для пребывания в нашем медицинском учреждении. Пройдемте. Скоро врач придет на осмотр. И ваши анализы уже готовы. Ничего серьезного. Легкое сотрясение. Через пару дней можно домой.

- Никаких пару дней, - отрезает он хрипло. – Я сегодня же выписываюсь. И что вы мне зубы заговариваете? Что с этой девушкой, черт возьми?!

- Но…

- Никаких но. Слушайте, хрен с ними, с этими уколами. У меня уже все прошло. Вы мне лучше скажите, что с ней?

- А что сказать? – Медсестра мотнула головой, повела плечами, затягивая паузу. – Предположительно имела место авария. Но машина не найдена. И место аварии тоже. Потому что – опять же предположительно – ее перемещали. Добивали. Топили. В общем, хотели убить.

Руслан судорожно выдыхает. Он за меня переживает и меня это подкупает. Чувствую к нему симпатию и уважение и мне еще горше оттого, что он уйдет.

Распахиваю глаза, смотрю в его сторону и открываю рот. Говорю вслух – с силой, неистово, но лишь опаляю себя горячим дыханием.

Набираю в легкие воздуха и силюсь снова…

- Ей повезло, - сестра тараторит, словно меня нет, словно я не слышу, словно пустое место, - ну как повезло… если так можно выразиться, конечно. Ее нашли местные бездомные. Ошиваются там, на пустыре, свалка рядом. Вызвали скорую.

- Она что совсем безнадежна? Почему несколько дней? Она же в сознании.

- Так может и не несколько. Уж как Бог даст. Или быть овощем многие годы, или…

Замолчала. Руслан выдыхает первым:

- Так, а родственники что? Родители?

- Так, а нет никого. Ориентировку дали, но тишина. При ней ни документов, ни сумочки, ни телефона, ничего не бы-

ло. Неизвестная она. Вот Гарик Эммануилович сейчас все оформил как надо, тест ДНК забрал, привезет результаты. Запрос отправлять будет, мы-то такого не делаем!

- Да ладно? Жесть. Слушайте, но может что нужно? Лекарства там, уход. Я готов посодействовать.

- Жалко? – Людмила смеется.

Не пойму, что смешного тут может быть. Звучит всё страшно. И еще страшнее, что про меня!

- Не беспокойтесь, лекарства и все необходимое у больницы есть. Мест нет. Но здесь вы ничем не поможете. Будем на днях переводить ее в областной госпиталь.

- Но она же все понимает, верно? Взгляд довольно осмысленный. Живой взгляд. И ресницами хлопает, и пальцы сжимает, и пальцы на ногах шевелятся, я видел.

- Есть шанс на миллион, что ее нервная система восстановится и даст ход. Это не инсульт, не прочее, что парализует намертво. В её теле все еще активны клетки, реагируют на ток, на более активные и агрессивные прикосновения. Но сама она пока не может взять контроль над своим телом. Возможно, последствия не только травм, но и стресса. Случай неоднозначный. Я признаться честно, в отличие от своих ученых коллег, надеюсь и верю в лучшее. Все возможно восстановить, но необходимо время. Средства. Забота.

Руслан проводит рукой по волосам – они у него светлые, выгоревшие на солнце. А сам он загорелый. И мне тоже так хочется солнышка и тепла.

Набираю в легкие воздух…

- Я буду отслеживать. Держите меня, пожалуйста, в курсе дела.

Задерживаю дыхание, жмурясь и выдаю. Сипло, но слышно:

- Руслан…

Мужчина на мгновение замирает, а потом резко оборачивается.

Его взгляд летит в меня как стрелы, и я физически ощущаю проживающие мое тело молнии.

И я ликую! Улыбаюсь широко, сама не замечая этого!

Людмила прикрывает руками рот и ахает, а мужчина идет ко мне и улыбается – чистой и светлой улыбкой и мне даже кажется, что в палате светлее становится, а мир ярче, и не всё со мной, бедолагой, потеряно!

Рука вздрагивает в конвульсии, пальцы сжимаются, и я ощущаю покалывания во всем теле. И шевелюсь!

Глава 14

Но потом наступила тьма. Рано я радовалась!

Голова вдруг закружилась, сознание начало меркнуть. Все вокруг заискрилось мушками. Видела я, что медсестра бросилась за врачом, а Руслан успел лишь улыбнуться уголками губ.

Запищали приборы, заголосили врачи. А я летела в пропасть. И в этой черной бездне отчего-то видела лица: мужское – до боли знакомое, но тут же забывающееся и личико молодой девчонки, лет восемнадцати, к которой я тянула свои руки – тонкие с черными венами, и пыталась ее в этом круговороте поймать. Обнять. Остаться рядом.

Но девчонка вдруг тоже рассмеялась и ее лицо исказила злоба.

Я к ним тянулась.

Но им я не нужна.

Отвратительное послевкусие. Словно меня предали и боль от предательства течет вместо крови по венам. Вокруг меня темень, настоящая мгла. Я словно пустое место, потому что кто я не помню. И моё тело меня не помнит – страх снова парализовал от головы до пят.

…Что это?

А это когда твоя душа заточена в собственном почти омертвевшем теле, словно в тюрьме. И мучает только один

вопрос – за что и когда успела провиниться, что сделала не так? Кого молить, просить? К какому Богу обращаться?

Вздрагиваю, раскрывая глаза.

Руслан смотрит на меня с сожалением, медленно качает головой, долго и мучительно скользит взглядом по моей руке, безвольно свисающей с кровати. Я щурюсь, силясь открыть веки – те тяжелые, словно по пуду весом.

- Она не видит Вас, скорее всего не различает лиц. – Произносит Людмила. – Опять уже два дня как овощ!

Прошло два дня? А кажется – мгновение.

Смотрю на него из-под полуопущенных ресниц – в глазах блеск. И сочувствие. И жалость.

А я не овощ, как они говорят! Я всё слышу. Чувствую. Понимаю.

- Радислав Георгиевич на операции? – спрашивает. Голос у него тягучий, как сироп. Небрежный, легкий, уверенный.

Мне нравится его голос.

И глаза. Этот колкий взгляд.

От него ток по коже. От него я заряжаюсь и снова живу.

Поджимаю губы. Трепещу ресницами.

Он наклоняется, всматриваясь в мое лицо. А мне приятно его внимание. Жмурюсь довольно как кошка. Дышу тихонечко, но часто-часто – его аромат кожи и одеколона прекрасен!

- Да, у него операция, - запоздало говорит Людмила, поправляя мою капельницу.

- Освободится – переговорю с ним. Напишу заявление и заберу вашу пациентку к себе. У нас в санатории условия получше будут.

Любопытство колет меня изнутри. Санаторий? Заберет?

Хм…Что ж, я согласна!

- Повезло значит ей! – Людмила улыбается, а потом хмурится: - Если разрешат! Ею же полиция занимается! Радислав Георгиевич уже не решает! Даже в областную больницу запретили переводить.

Он удивленно вскидывается:

- Серьезно? Странно. Но я узнаю подробности.

- ДНК ждут. Родственники вроде бы уже ее опознали. Приходили вчера, крутились тут всей толпой в палате. Осталось дождаться подтверждения и ее забирают. Хотя зачем им она – она овощ!

Моё нутро безмолвно отзывается – да что ты знаешь обо мне?! Но тело больше не принадлежит, оно онемело, ужасным словом названо, все той же медсестрой – обездвижена на девяносто процентов. А десять? Где эти десять? Вот это легкое шевеление кончиков пальцев? И это все, что мне осталось?

Хочется реветь и кричать в голос, но и это больше не под силу.

Она права.

Но он против. Говорит ей громко и твердо:

- Не смейте называть эту женщину таким словом! Ясно

вам?

Медсестра закивала, затараторила, заискивая.

Я зажмурилась – в глаза словно песка вдруг сыпанули. Ужасно чешется и жжет, но поднять руку и почесать не могу. Не получается!

Наверное, тем, кто в коме, намного легче. Тело живое, а мозг нет. Зато ты не осознаешь всей трагичности этой чертовой жизни. Тут же все, наоборот.

Я не хочу умирать, я хочу шевелиться! – кричит внутри беззвучно каждая клетка организма. – А если встать мне уже не суждено, то лучше тогда умереть…

Ты давно мертва! – отзывается смехом что-то холодное и липкое внутри. Этот жуткий холод забрал моё тело себе, потому я не чувствует ни рук, ни ног. На их месте ледяная стужа. Душа в туманном сосуде.

Я чуть пошевелила только кончиками пальцев. Зажмурилась. Голова снова чертовски разболелась и уже спустя минуту я вновь летела в пропасть, что засасывала меня каждый раз, едва я приходила в сознание.

А он стоял рядом и, кажется, прикасался ко мне. Помню его теплую ладонь на своей руке. Помню, как скользнул костяшками пальцев по моей щеке. И от этого прикосновения в моей душе, где все подернуто черным саваном, распустился цветок, озарил теплом хоть на мгновение. И я зависла на этой поляне – сидя во мгле у единственного цветка, так похожего на белую хризантему.

Мне так хочется его увидеть вновь!

Его, что каким-то фантастическим провидением оказался рядом со мной. Словно ангел.

Раскрываю глаза, сбрасывая наваждение. Но перед лицом не загадочный сосед по палате, за окном уже не день, а ночь. Глубокая – в коридоре приглушен свет. А напротив какой-то мужчина в форме, очевидно, медбрат. Он нависает надо мной и его лицо так близко, что вижу впалый лоб, нос в веснушках, губы, свернутые трубочкой. Он зажимает рукой мой рот, следом нос, и я вновь немею, не в силах вдохнуть спасительного воздуха.

Он что-то шепчет мне, но я не могу разобрать слов из-за нарастающего гула в ушах, чувствую только, как меня наполняет страхом – если всё закончится прямо сейчас, я больше не увижу его…Руслана?

В голове кроме этих мыслей ничего нет. Словно ОН единственный во всем мире. Моя единственная надежда, зацепка, исключительное воспоминание. И мне обидно вдруг до одури. И я, дернувшись всем телом, громко кричу. И мой ор разрезает тишину всей больницы.

- Помогите! На по-о-о-мощь!

- Дура! – шипит мне в лицо мужчина. – Ради тебя же стараюсь! – и со всех ног бежит прочь.

***

Моргаю устало. Руслан не пришел. Он выписался и уехал. Узнаю об этом из разговоров. И злюсь. Теперь у меня это

получается! Вот уже три дня как я управляю руками-ногами. И даже чувствую боль от массажа, которым приводят меня в подвижность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.